

Владимир Бровко

СВЕРЧОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Петрович Бровка Сверчок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63074492

SelfPub; 2020

Аннотация

Данная книга переставляет новую авторскую версию биографии А.С. Пушкина и предназначена для всех любителей и знатоков российской истории и истории литературы в том числе..... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	4
ч.1 СОВРЕМЕННАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ А. С, ПУШКИНА	10
ч.2 ПЕРВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ А. С. ПУШКИНА	50
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Владимир Бровко

Сверчок

Вступление

Непосредственным поводом к написанию данной работы первоначально явилось искреннее желание вашего автора разобраться во многих неясных фактах биографии дореволюционного российского поэта и писателя А.С. Пушкина.

Ведь начиная со школьных времен ваш автор, изучая жизнь и деятельность А. Пушкина постоянно ловил себя на мысли, что подавляющее число его биографов как бы умышленно и зачастую очень неумело «фальсифицирует» письменную историю его жизни, освещая одни эпизоды и тщательно скрывая другие.

А также приписывая ему достоинства и заслуги коих у него никогда при жизни не имелось!

Ну и раз мы заговорили о «достоинствах и заслугах» А.С. Пушкина то надо тут прямо сказать, что он в глазах своих сверстников и вообще всех людей, с которыми ему приходилось общаться на протяжении всей своей жизни увы у них совершенно не ассоциировался с образом «выдающегося российского поэта» - «создателя русского литературного языка»!

Более того самые близкие его друзья, начиная с момента его появления в Царскосельском Лицее сразу дали ему точную характеристику в которой отразилась и манера поведения молодого А. Пушкина в обществе и его интеллектуальные способности прозвав в конечном итоге «СВЕРЧКОМ»

Тут я так же хочу пояснить, современному читателю, особенно из числа городских жителей что это за «зверь» такой – сверчок? Потому, что «сверчки» наверно из-за неблагоприятной экологической обстановке в больших городах, уже там не живут.

А с точки зрения биологии как науки, то он сказано: «**Сверчок домовый**, или **сверчок домашний** (лат. *Acheta domestica*) – вид прямокрылых насекомых из семейства сверчков.

Они бывают двух видов: космополитический и синантропный вид, родиной которого является Северная Африка и Дальний Восток. Сверчки часто селятся в жилищах людей, отапливаемых промышленных зданиях и теплоцентралях.

В тёплое время года, с конца весны по начало осени, живут вне человеческих построек [8], с наступлением холодов, с конца осени, поселяются в постройка».

Эта лицейская кличка так прилипла к А. Пушкину, что вошла в повседневный оборот дворянского общества Санкт-Петербурга где иначе его «за глаза» даже в личной переписке между собой никто и не называл.

Свидетельство тому может быть хотя бы многочисленная переписка как друзей и знакомых Пушкина, так и многих других российских литераторов которые видя таланты молодого А. Пушкина как поэта, но учитывая его обычное поведение и род занятий – великосветского бездельника так и продолжили называть его «Сверчком» как бы с большой долей горького сарказма и сожаления фигурально как определяя в не нем новую мутацию под названием – **«Сверчок литературный»**.

В связи с этим я в целях обеспечения объективности излагаемых фактов отдельно изучил вопрос о появлении этой клички у А. Пушкина и вот что удалось выяснить.

Оказалось, что у Александра Пушкина за время шестилетней учебы в Лицее сменилось несколько прозвищ.

Самым первым из них было «француз». Прозвали его так за великолепное знание языка и увлечение французскими авторами.

Потом однокурсник Пушкина Яковлев сравнил его с «обезьяной», возможно за язык его тела и жесты. И это прозвище вначале привязалось к нему.

После тот же Яковлев дал ему новую кличку – «тигр». Скорее всего, когда Пушкин сердился, был похож на тигра. Говорили, что своими эпиграммами он словно набрасывается на жертву и терзает ее.

Потом это все вылилось в то, что Александра Пушкина стали называть **«смесью обезьяны с тигром»**. Это прозви-

ще привязалось к нему надолго.

Кроме того, поэта часто называли по присвоенному номеру, который давали каждому ученику лицея, «номер 14».

За неусидчивость и живость Пушкина иногда называли «егоза», но это имя не было таким ярким, как предыдущие.

Еще во время учебы в Лицее Александр Пушкин неофициально был принят в российское литературное общество «Арзамас». У всех членов клуба, а это были уже не молодые лицеисты, а вполне взрослые мужчины, русские дворяне с чинами и положением в российском обществе были вымышленные имена. И вот тут А.С. Пушкину тоже дали имя-псевдоним: «Сверчок» которое окончательно за ним закрепилось.

Так, что «СВЕРЧЕК» это уже не лицейская кличка, а собственно настоящий первый литературный псевдоним А.С. Пушкина, который ваш автор и взял для название своей книги!

Но все это было до захвата в России власти большевиками в 1917 г. когда Российская империя, ослабевшая в Первой мировой войне, рухнула, распавшись на десяток новых государств.

А когда Советская власть в России окрепла и появилась новая особая марксистско-ленинская пролетарская литература то перед коммунистическими пропагандистами встала задача найти для идеологически правильных, но литературно полуграмотных пролетарских писателей и поэтов – свое-

го рода «эталон» на который они должны всегда равняться.

То из всех дореволюционных российских писателей Советской власти «приглянулся» именно А. Пушкин. Он казался был и сам «вольнодумцем и демократом», почти что декабристом и борцом с царизмом.

От которого он якобы сильно страдал, был унижен и в конце концов погиб как «невольник чести» не вынеся выпавших на него несчастий.

Сам же «культ личности» А. Пушкина СССР начался примерно с 1934 года, когда он стал в советской пропаганде будучи до этого просто одним из известных российских дореволюционных поэтов, стал **«литературной звездой первой величины»** и уже стал **считается по совершенно необоснованным и до нашего времени неясным обстоятельствам «основателем «русского литературного языка»!**

Правда после краха СССР государственная пропаганда в РФ стала меньше «пиариться» на его имени и как мне показалось, наконец «литературные критики» создали более-менее его правдивую биографию.

И одним из примеров такой биографии является по моему личному мнению статья в так называемой «Большой российской энциклопедии» <https://bigenc.ru/literature/text/3485181>

Я не уверен, что все читатели захотят лично перейти по вышеприведенной ссылке для того чтобы прочесть эту статью и поэтому в первой части этой книги я ее полностью вос-

произведу для того чтобы, потом вы уважаемый читатель, отталкиваясь от указанных дат и фактов могли понять ход мыслей автора в его стремлении к раскрытию как ранее неизвестных, так и умышленно сфальсифицированных страниц биографии А.С. Пушкина.

ч.1 СОВРЕМЕННАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ А. С, ПУШКИНА

ПУШКИН Александр Сергеевич [26.5(6.6). 1799, Москва – 29.1(10.2).1837, С.-Петербург; похоронен в Святогорском монастыре, ныне Псковская обл.], рус. поэт, драматург, прозаик, историк, лит. критик и журналист.

Источник фото: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пушкин,_Александр_Сергеевич#/media/Файл:Orest_Kiprensky_-_Портрет_поэта_А.С.Пушкин-

Из рода Пушкиных. Отец – Сергей Львович (1767 или 1771 – 1848), мать – Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал (1775–1836), внучка генерал-аншефа А. П. Ганнибала.

Детство провёл в Москве, где получил первые представления о светской и лит. жизни, рус. истории и культуре, приобщился к чтению сочинений русских и в особенности франц. авторов, создал первые лит. произведения, в т. ч. комедию «Похититель» и поэму «Толиада» (1809–11, не сохр.). Определённое влияние на становление лит. интересов юного П. оказал его дядя – В. Л. Пушкин.

В 1811г. П. принят в новооткрытый Царскосельский лицей, где изучал классич. мифологию, античную (преим. римскую), франц., рус. лит-ру, европ. историю. В лицее у П. появились друзья, которым было суждено повлиять на его мировоззрение (И. И. Пущин, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер); здесь же к нему пришло первое признание: его лит. дарование оценили Г. Р. Державин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский, которых П. считал своими наставниками в поэзии

Из других рус. писателей наибольшее влияние на него оказали М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. П. Петров, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов; из европейских – Ж. де Лафонтен, Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Э. Парни и вся школа франц. «лёгкой поэзии». Осн. темы лицейской лири-

ки П. – любовь, вино, дружба, поэзия; первое опубликованное стих. «К другу стихотворцу» («Вестник Европы», 1814, № 13).

Во 2-й пол. 1810-х гг. на первый план выступили иные интонации: подражая «унылым» элегиям Жуковского, П. обратился к темам непреодолимого одиночества, предчувствия смерти, утрат и ударов судьбы; элегич. топика проникла и в жанр послания: «Городок (К**»)» (1815), «К Жуковскому» (1816, опубл. в 1840). Характерны эксперименты с поэтикой рус. оды, преим. «торжественной» и «политической»: ориентированные на этот жанр лицейские стихотворения осложнены ассоциациями с элегией («Воспоминания в Царском Селе», 1814), балладой («Наполеон на Эльбе», 1815), посланием (прямое обращение к адресату в стих. «Принцу Оранскому», 1816, опубл. в 1841) и в меньшей степени с топикой идиллии (тема детства в «Воспоминаниях в Царском Селе» и в оде «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году», 1815).

Незавершёнными остались лицейские поэмы: «антиклерикальная» («Монах», 1813, опубл. в 1928–29) и «богатырская» («Бова», 1814, опубл. с цензурной правкой в 1841, полностью – в 1899).

После окончания лицея в июне 1817 П. поступил в С.-Петербурге на службу в Коллегию иностр. дел в чине коллежского секретаря и, обратив на себя внимание светского общества демонстрацией независимого

поведения, энергично включился в лит. жизнь .»

Тут я прерву цитирование биографии чтобы сразу сказать, что его биографы между собой так и не пришли к окончательному выводу о том:

Как закончил А. Пушкину учебу в Лицее?

С каким чином он был выпущен?

Какую должность он получил в Коллегии иностранных дел?

Выполнял ли он там какую-то работу и если не выполнял, то почему?

Какое ему платили жалование и почему платили, если он не ходил на службу?

На эти вопросы я постараюсь дать ответы в следующих частях, а пока продолжим чтение биографии:

«Если в лицее он выступал против литераторов архаического направления на стороне писателей – последователей Н. М. Карамзина, объединившихся в лит. об-во «Арзамас», то в 1817, формально став членом об-ва и получив некогда желанную возможность заседать в «Арзамасе», ею почти не воспользовался, предпочитая вечера у о смеиваемого им ещё недавно А. А. Шаховского.

Смена лит. ориентиров оказалась плодотворной: именно в это время формируется пушкинский худож. метод, основанный на парадоксальном сближении разнородного жизненного материала и принципиально разных лит. традиций.

На мировоззрение П. в 1817–20 повлияли Н. И. Тургенев

нев и П. Я. Чаадаев: первый старался приобщить его к идеологии европ. либерализма, второй разъяснял необходимость интеллектуальной независимости.

Осн. произведение П. этого периода – поэма «**Руслан и Людмила**» (1817–20, опубл. в 1820), в которой лёгкость слога сочеталась со знанием рус. фольклора, истории, традиций рус. «богатырской» поэмы и зап. европ. рыцарских романов.

Оригинальность построения поэмы состояла в резких переходах от «отступлений» и описаний к сюжетной динамике, в насыщенности лит. полемич. подтекстами, имевшими пародийный оттенок. В состав поэмы вошла, в частности, пародия на «Двенадцать спящих дев» В. А. Жуковского, который не без скрытой иронии надписал П. свой портрет: «Победителю-ученику от побеждённого учителя...».

В лирике П. петербургского периода, продлившегося по начало мая 1820, особое место занимают политич. стихотворения, как не противоречившие гос. идеологии и политике («Деревня», 1819, строки 1–34 опубл. в 1826 под назв. «Уединение»; полностью – в «Полярной звезде на 1855 год», Лондон; в России – в 1870), так и резко оппозиционные, среди них самая известная – ода «**Вольность**» (1817 или 1819, опубл. в 1856), в которой рассказывалось об истинных обстоятельствах убийства имп. Павла I, что было воспринято как обвинение имп. Александра I во лжи: офиц. версия утверждала, что Павел I скончался от аполексич. удара.»

Тут я прерву цитирование «биографию» чтобы сказать, что в общем как на те давние времена преступление было серьезным и политическим.

Посему я ниже привожу полный текст этой оды чтобы читатель давно не отрывавший тома со стихами А. Пушкина сам сразу все мог понять!

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

**Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,**

**Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.**

**Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит**

**И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.**

И горе, горе племенам,

**Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.**

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах, скованных лежит.

**Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.**

**Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.**

**Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий среди тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —**

**И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.**

**Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...**

**О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..**

**Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.**

**И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.**

В общем скандал случился страшный!

Дело доложили императору Александру Первому, который в апр. 1820 распорядился начать следствие о возмутительных стихах.

А вот современный биограф утаивает нам всю правду о этом деле! когда пишет следующее :

«П., благодаря помощи друзей, собств. находчивости и стечению обстоятельств, сумел избежать серьёзного наказания, получив назначение в Кишинёв в канцелярию ген. И. Н. Инзова.

А ведь пред тем как послать А. Пушкина в ссылку в глухую и только недавно отвоёванную у Османской империи Бессарабию (т.е. Молдавию) 21-ти однолетнего чиновника Коллегии иностранных дел в Тайной канцелярии по

распоряжению императора, так сказать с учетом его «молодости» и «глупости» и с целей быстрее «перевоспитания» строптивного барчука – подвергли телесному наказанию на грани бесчестия – выпороли кнутом!

Не знаю на что рассчитывали судьи вынеся такой «приговор» сменив ссылку в Сибирь на ссылку в солнечную Молдавию, но это, в случае с А. Пушкиным увы не способствовало его «вразумлению».

Он и до этого «внушения» очевидно имел врождённые нервно-психологическими травмы своей психики, а тут такое «унижение» его «чести и достоинства».

Но как бы там ни было А. Пушкин был немедленно отправлен в г. Кишинёв.

Правда туда он попал не сразу, но об этих обстоятельствах мы поговорил в последующих частях этой книге, а пока я продолжу цитирование современной биографии А. Пушкина:

«В Кишинёве П. проводил время в обществе М. Ф. Орлова, неск. раз общался с П. И. Пестелем, установил приятельские отношения с В. Ф. Раевским, а также с И. П. Липранди (который станет прототипом Сильвио в повести «Выстрел», 1830);

И в итоге был принят в масонскую ложу «Овидий», история которой до сих пор в полной мере не прояснена: в частности, остаётся неизвестным, почему П. утверждал, что именно из-за деятельности «Овидия» в России «уничто-

жили все ложи».

П. не был деятельным масоном: его единственное произведение, с уверенностью атрибутируемое как масонское, – послание «Генералу Пущину» (1821, опубл. в 1874), подчёркнуто риторич. и патетическое, допускавшее возможность иронич. интерпретации.

Тут я опять прерву биографию чтобы сказать, что в ней не раскрыты тайные страницы жизни А. Пушкина как российского масона!

А ведь никто А. Пушкина до конца его жизни из числа масонов не отчислял!

А ведь сам он при поступлении в 1831 г. на государственную службу давал письменную клятву, что мол не состоит и не будет состоять ни в каких тайных обществах!

И как члены масонской ложи «Овидий» того пусть и косвенным образом, но был причастен к организации «восстанию декабристов в декабре 1825 года!

И это было второе нарушением А. Пушкиным Законов Российской империи

Так, что нам с вами уважаемый читатель, далее придется отдельно разобраться и с этими тайными страницами биографии А. Пушкина.

Но пока для вашего «погружения в тему» я продолжу цитирование биографии А. Пушкина далее:

«На юге П. увлёкся творчеством Дж. Байрона; отчасти в подражание ему были созданы поэмы «Кавказский плен-

ник» (1820–21, опубли. в 1822), которая имела большой успех, «Бахчисарайский фонтан» (1821–23, опубли. в 1824) и «Цыганы» (1824, отд. изд. – 1827) – с их «местным колоритом», лаконизмом повествования, отступлениями, намёками, умолчаниями и страстями.

Герои этих поэм не верили в достижимость счастья, не умели и не хотели примириться с несовершенством мира, не понимали своего предназначения, искали и не находили свободы. «Байронизмом» отмечены некоторые лирич. стихотворения П. («Погасло дневное светило...», 1820, «К морю», 1824) и в меньшей степени «роман в стихах» «Евгений Онегин», который он начал писать в 1823.

Почти одновременно с работой над поэмой «Бахчисарайский фонтан», в которой тема христианства представлена как высокая и значительная, в 1821 создан обширный цикл кощунственных произведений: «<В. Л. Давыдову>» (опубли. в 1884), «Христос воскрес, моя Ревекка!..», «Гавриилиада» (оба опубли. в 1861).

Любовная лирика южного периода сочетала демонстрацию интимности пылких чувств с умолчаниями и недосказанностями, граничившими с мистификацией: до сих пор в популярной лит-ре обсуждается миф о «потаённой любви» П. и кандидатуры на роль его гл. героини (как правило, называются имена Е. К. Воронцовой, М. Н. Раевской, А. Ризнич или К. Собаньской).

В духовной биографии П. 1823 стал переломным: поэт

разочаровался в идеологии и практике революц. конспирации, открывшихся ему не столько героикой подвига и самопожертвования, сколько претенциозным пустословием и борьбой за лидерство.

О заведомой неадекватности либеральных иллюзий совр. историч. реальности – стих. «Свободы сеятель пустынный...» (1823, опубл. в 1856). В 1824 в послании «К морю» революц. «просвещение» и тирания предстанут как две равно неприемлемые возможности.

Со своей стороны, декабристы с самого начала знакомства с П. ценили его лит. дарование, но не доверяли ему как человеку, полагая его слишком легкомысленным и беспечным.

При этом отношение П. к бывшим лицеистам, участвовавшим в событиях 14(26).12.1825, И. И. Пущину и В. К. Кюхельбекеру, оставалось неизменно дружеским («И. И. Пущину», 1826, опубл. в 1841; «19 октября <1827>», опубл. в 1830; и др.).

Летом 1823 П. переведён в Одессу в распоряжение ген.-губернатора М. С. Воронцова, который вскоре стал тяготиться присутствием П., демонстративно пренебрегавшего служебными обязанностями, острого на язык и склонного к эпатажу; обычно предполагается, что свою роль сыграло увлечение П. его женой – Е. К. Воронцовой [ей посвящены стихотворения «Сожжённое письмо» (1825, опубл. в 1826) и «Храни меня, мой талисман...» (1825, опубл. в 1916)].

Письма П. перлюстрировались; в одном из них говорилось о его интересе к «чистому афеизму» (в смысле «атеизму».-автор). «

Так случился второй большой скандал в жизни А. Пушкина который коренным образом изменил его судьбу!

И автор современной биографии так описывает эти события:

«Власти признали служебную карьеру П. завершённой, и летом 1824 он был сослан в родовое имение Ганнибалов-Пушкиных с. Михайловское Псковской губ. под надзор местных властей (полицейский надзор над П. не был снят до конца жизни).

Досуг П. заполнили чтение Библии, произведений У. Шекспира и И. В. Гёте, изучение рус. истории и фольклора.

В центре его лит. размышлений – проблема романтизма, что во многом объясняется полемикой вокруг «Бахчисарайского фонтана»: поэма была опубликована с обширным предисловием П. А. Вяземского, описавшего рус. лит. ситуацию в категориях борьбы романтизма и классицизма и безоговорочно принявшего сторону первого.

В отличие от Вяземского, П. полагал, что «русского классицизма» не существует.

В наброске ст. «О поэзии классической и романтической» (1825, опубл. частично в 1855) он рассматривал клас-

сицизм и романтизм как категории, обобщающие историю лит. жанров, связывая с классицизмом формы, известные античной лит-ре, и относя к романтизму те, «которые не были известны древним» или претерпели изменения.

Полагая, что истинный классицизм в России – дело будущего, П. со 2-й пол. 1820-х гг. всё чаще обращался к античным формам, одновременно пытаясь воскресить поэтику торжеств. оды и эпич. поэмы [мотивы и стилистика этих жанров нашли отражение в эпилоге «Кавказского пленника», позднее – в поэмах «Полтава» (1828, опубл. в 1829), «Медный всадник» (1833, опубл. в 1837, посм.)].

Нараставший интерес к классицизму не означал разрыва с романтизмом: трагедия «Борис Годунов» (1824–25, окончат. ред. 1830, опубл. в 1831) мыслилась П. как романтическая, поскольку представляла собой результат глубокого переосмысления формы классицистич. трагедии (демонстративное нарушение требований единства времени и места, чередование стихотв. фрагментов с прозаическими, допущение просторечий и т. д.).

В «Борисе Годунове» П. выступил как единомышленник Н. М. Карамзина, всегда стремившегося подчеркнуть ответственность аристократии за судьбу государства: мнение народное представало как объект манипуляций, движущей силой событий оказывалось провидение – Божий суд, от которого не суждено было уйти ни Годунову, ни Отрепьеву.

Один из наиболее значимых аспектов созданной П. в тра-

гедии картины мира – историзм, не знающий ограничений и распространяющийся на идеологию, социальную и индивидуальную психологию, культурный быт и язык, требующий точности в деталях, отказывающийся от аллюзий, но связывающий историю и современность как на уровне делящихся историч. «сюжетов» нац. истории, так и на уровне единства нац. историч. памяти; историзм скорее универсальный, чем национальный, где подлинной и единственной мерой понимания и оценки историч. событий оказывается христианская этика.

В Михайловском были написаны неск. глав «Евгения Онегина», который стал своего рода дневником П., отразившим не только развитие героев, но и духовную эволюцию самого поэта. Осн. тема романа – соотношение лит-ры и жизни: восприятие действительности через посредство лит. текста осмыслялось в сложном контексте истории чувств (которая описывалась с помощью явных и скрытых отсылок ко многим произведениям) и расценивалось П. скептически как проявление провинциального мышления (ср. иронически окрашенные замечания о Татьяне, которая приняла Онегина за Грандисона).

В 3-й главе П. рассуждал о «романе на старый лад», в котором торжествовала добродетель, и о новом, в котором восторжествовал порок. «Евгений Онегин» начинался как сочинение в новейшем вкусе, как рассказ о «москвиче в гарольдовом плаще», где «русская хандра» соотносилась с «англиц-

ким сплином», но закончиться он должен был «на старый лад» – отказом Татьяны – в абсолютном несоответствии духу новой эпохи.

Вместе с тем мотивы долга, личного достоинства и чести сочетались с темой невозможности взаимопонимания в мире, где царят рок и случай, отнимающие любовь и надежду, где малозначимый поступок способен повлечь за собой самые серьёзные последствия и где переживание необратимости времени и поступка стало доминантой самосознания героев и автора.

Восстание 14(26).12.1825, следствие и суд над заговорщиками П. воспринял двойственно. Лично зная мн. участников событий, он относился к ним сочувственно, в первую очередь к И. И. Пущину и В. К. Кюхельбекеру, которых до конца жизни считал своими друзьями (см., в частности, послание «И. И. Пущину»), – неслучайно в его стихотворениях возникала тема «милости к падшим» [«Стансы» («В надежде славы и добра...»), 1826, опубл. в 1828; «Пир Петра Первого», 1835, опубл. в 1836; и др.]; **но в революцию не верил, а поскольку ни прямо, ни косвенно не участвовал в её подготовке, то надеялся на освобождение из ссылки.**

Оно оказалось почти мгновенным и драматическим.

В ночь с 3(15) на 4(16).9.1826 П. получил предписание явиться в Москву. 8(20) сент. состоялась беседа поэта с имп. Николаем I, в ходе которой П. на заданный вопрос, при-

нял бы он участие в восстании, будь он 14 дек. в С.-Петербурге, отвечал утвердительно, объясняя это тем, что заговорщики были его друзьями.

Результатом разговора стало позволение П. выбирать место жительства и отмена общей цензуры: Николай I объявил, что сам будет его цензором. «

Тут я вновь прерву цитирование биографии А. Пушкина, чтобы указать читателю что нарисованная авторами биографии «идиллическая» картинка – «помилования» А.С. Пушкина, который вместо ссылки в Сибирь был внезапно возвращён из опалы и мало того будучи как показало пришедшее время человеком совершенно не способным к выполнению какой-либо служебной обязанности по линии Коллегии иностранных дел он был вновь принят туда на службу!

Причем свободных мест там не было, и русский царь Николай Первый выделил из своих секретных фонтов 5000 руб. для выплаты жалования А. Пушкину до тех пор, пока для него в штатном расписании не найдется постоянного места и штатного оклада.

Вот тут-то и кажется вашему подозрительному автору, что в ходе следствия А. Пушкин сообщил какие-то то важные сведения о планах декабристов и тем самым заслужил «прощения»!

Более того Руководству российской жандармерии во главе с А.Х. Бенкендорфом удалось, обеспечив ему

якобы «личное покровительство» фактически «завербовать» А. Пушкина в качестве своего рода «тайного осведомителя и более того «направить» его лит. Талант на службу интересов Российской империи!

Об этом «особом покровительстве» отчасти и свидетельствует и цитируемая мною биография:

«Как выяснилось впоследствии, эта милость не в полной мере оградила П. от общей цензуры, а вместе с тем обнаружила определённую двусмысленность: так, «Борис Годунов» был разрешён к печати далеко не сразу; в то же время печатание «Истории Пугачёвского бунта» вряд ли было бы дозволено обычной цензурой.» ...

Ну, а далее в жизни А. Пушкина тоже происходит много интересных, но до конца так и не раскрытых в своей значимости событий.

Биограф пишет: «Осень 1826 – вершина прижизненной славы П., восторженно встреченного лит. и светской Москвой; публичные чтения «Бориса Годунова» следовали одно за другим.

Успех, однако, был омрачён: в либеральном англ. клубе П. провозглашал здравие нового государя, что было воспринято как конформистское отступничество от прежнего свободолюбия.

Когда в мае 1827 П. уехал в С.-Петербург, его отношения с моск. кругами были уже основательно испорчены; показательно, что в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833–

35, опублик. не полностью в 1841, полностью – в 1880) П. будет сочувственно писать об осмеянной А. С. Грибоедовым в «Горе от ума» «фамусовской» Москве.

Со 2-й пол. 1820-х гг. П. всё чаще обращается к религ. тематике: такова ода «Пророк» (1826, опублик. в 1828), ориентированная на начало 6-й главы библейской Книги Исаяи. К 1827 относится первый значит. опыт П. в прозе – оставшийся незавершённым историч. роман «Арап Петра Великого» (1827, опублик. полностью в 1837, посм.).

В лирике П. усиливаются мотивы недовольства собств. жизнью»

Ну что ж очень хорошее замечание! Причины для недовольства личной жизнью у А. Пушкина было очень много, но первопричиной этих недовольств и неудобств было как раз само поведение А. Пушкина как в обществе, так и в среде своих родственников и в своей собственной семье!

А вот когда биографы не признают прямых связей между реальной жизнью А. Пушкина и его творчеством (стихи, прозаические труды) то и возникает тот самый «идеальный» Пушкин которого так высоко и не вполне заслуженно возвеличили во времена СССР.

Далее ваш автор постарается более детально рассказать о личной жизни и делах А. Пушкина основываясь на сохранившихся в российских архивах документальных свидетельствах, а пока продолжим чтение его официальной биографии:

«Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828, опублик. в альм. «Северные цветы на 1829 год») и отчаяния («Дар напрасный, дар случайный...», 1828, опублик. в альм. «Северные цветы на 1830 год»).

Произведение вызвало полемич. отклик митр. Филарета (Дроздова): «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога нам дана...», на который в 1830 П., в свою очередь, ответил стих. «В часы забав иль праздной скуки...».

В конце декабря 1828 в Москве П. впервые встречает Н. Н. Гончарову, весной 1829 сватается к ней, но получает уклончивый ответ от её родителей.

Без разрешения властей он отправляется в путешествие на Кавказ, где, по крайней мере однажды, принимает участие в боевых действиях.»

То же совершенно неясный эпизод в биографии А. Пушкина!

За такие проступки в те времена быстро судили и отправляли в Сибирь с лишением чинов и званий! А вот А. Пушкину все как бы сходит с рук?

Почему? И тут биографы старательно обходят этот вопрос?

А мы с вами постараемся далее в нем разобраться уже самостоятельно.

А цитируемый мною биограф так далее описывает жизнь и творчество А. Пушкина:

«Творч. результатом поездки стала незавершённая поэма

«Тазит» (1829–30, опублик. в 1837), замысел которой сформировался в контексте размышлений о христианском миссионерстве на Кавказе и милосердии как основе христианства, а также стихотворения т. н. кавказского цикла: «На холмах Грузии...» (1829, опублик. в 1830), «Монастырь на Казбеке» (1829, опублик. в альм. «Северные цветы на 1831 год») и др.; на основе кавказского путевого дневника будет написано «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1835, опублик. в 1836).»

Так же хочу отметить, что у А. Пушкина в его время имелся сильный конкурент в борьбе за лавры первого российского писателя- писатель и журналист Ф. Булгарин.

Изучению всех обстоятельств многолетнего противостояния Пушкина и Булгарина я ранее тоже ранее уделил много внимания, и по результату проведённого исследования мною была написана отдельная книга «**А. Пушкин и Ф. Булгарин. Сравнительная биография**» с которой вы уважаемые читатель сможете (найдя ее на сайтах российских эл. библиотек) самостоятельно (в целях расширения своего кругозора) и ознакомится,

А наш современный биограф так описывает эти события:

«Пребывание П. в С.-Петербурге, куда он вернулся осенью 1829, было отмечено драматич. борьбой с Ф. В. Булгариным, который, пытаясь скомпрометировать «литератур-

ных аристократов», писал доносы на поэта, распространял сведения о заискивании П. перед властями и печатал разборы его произведений, констатируя «совершенное падение» пушкинского дарования.

П. отвечал эпиграммами и памфлетами, принял активное участие в «Литературной газете» Дельвига (1830–31), сочетавшей принципы аристократизма и либерального консерватизма, но не смог изменить ситуацию: значит. часть читающей публики была на стороне Булгарина.»

Описание в общем верное, но если вы все же прочтете вышеуказанную мою книгу, то сами поймете почему Ф. Булгарин отзываются на смерть А. Пушкина сказал... „*Жаль поэта, <...> – а человек был дрянной. Корчил Байрона, а пропал, как заяц. Жена его право не виновата.*» и почему часть «читающей публики» осталась на стороне Ф. Булгарина как на то время одного из реальных и наверно самых популярных российских писателей, журналистов и издателей литературных журналов!

Ну а наш биограф так продолжает биографию А. Пушкина:

«Менее выразительным было постепенно усиливавшееся расхождение П. с европейски ориентированной частью либеральной аристократии.

В 1830 П. в обращённом к кн. Н. Б. Юсупову послании «К вельможе» бегло набросал идеальный образ аристократич. культуры предреволюц. Европы.

Эти стихи вызвали полемику; многие усмотрели в них не оппозицию революции и демократич. движению, а желание угождать сильным мира.

Эта точка зрения упрочилась осенью 1831 после выступления П. с одой «Клеветникам России».

Эти стихи резко осудили П. А. Вяземский и Н. И. Тургенев; среди немногих, кто открыто выступил на стороне поэта, был П. Я. Чаадаев.

Толки об «искательстве» П. обобщил знавший его польск. поэт А. Мицкевич, который в стих. «Русским друзьям», вошедшем в приложение к 3-й части его поэмы «Дзяды» (1832), в слегка завуалированной форме высказал неск. суждений о политич. ренегатстве П. (П. ответит Мицкевичу в стих. «Он между нами жил...», 1834, опубл. в 1841).

Осень 1830 П. провёл в родовом имении с. Болдино Лукояновского у. Нижегородской губ., куда выехал 1(13) сент. с целью вступления во владение частью родового имения – Кистенёвым, которое отец выделил ему накануне женитьбы, и где П. задержался до конца ноября из-за холерных карантин.

В это время завершён осн. текст «Евгения Онегина», написаны «маленькие трагедии» [«Скупой рыцарь» (опубл. в 1836), «Моцарт и Сальери» (опубл. в альм. «Северные цветы на 1832 год», пост. в 1832), «Пир во время чумы» (опубл. в альм. «Альциона на 1832 год»), «Каменный гость» (опубл. в 1839)], поэтич. «Сказка о попе и о работнике

его Балде» (опубл. в 1840), прозаич. «История села Горюхина» (не завершена; опубл. в 1837), поэма «Домик в Коломне» (опубл. в 1833), ок. 30 лирич. стихотворений, среди которых «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», опубл. в 1834), «Бесы» (опубл. в 1831), «Поэту» («Поэт!

Не дорожи любовью народной», опубл. в 1830), «Румяный критик мой...» (опубл. в 1841), «Что в имени тебе моём?» (опубл. в 1830).

Попыткой пересмотра всей традиции новой рус. прозы стал цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (опубл. в 1831), объединивший повести «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка», в которых П., стремясь к максимально последовательному разграничению поэтич. и прозаич. стилей, противопоставил насыщенную перифразами, иносказаниями, почерпнутыми из лирики метафорами и сравнениями прозе Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. А. Бестужева лаконизм и простоту выражения.

Под пером П. проза обогащалась новыми жанровыми ассоциациями: бытовой, историч. или лит. анекдот входил в неё вместе с элементами традиц. новеллы и романа, а пародийное переосмысление традиц. сюжетных ходов сочеталось с поэтизацией рус. дворянской жизни.»

Тут я прерву цитирование биографии чтобы сказать, что далее в жизни А. Пушкина и начинается наверно самый тайных и наиболее сфальсифицирован-

ный всевозможными биографами период его жизни.

А началось все с того, что «вдруг наш «А.С. Пушкин, этот вчерашний декабрист, правда «раскаявшийся» в своих «деяниях» и очевидно «раскрывшей» жандармам все известные ему секреты и находящийся в опале и ссылке, в своем имении, где он как мы видим с его биографии, «развил бурную» литературную деятельность!

И как мы знаем в итоге был «прощён» царем Николаем Первым и мало того возвращен на госуд. службу к которой он был совершенно не пригоден!

Более того ему кроме должности сразу обеспечивается быстрое продвижение в чинах, немыслимое с точки подавляющего петербургского чиновничества в поте лица трудившихся в министерствах и др. госуд. учреждениях!

Так наш современный биограф пишет:

«В янв. 1832 распоряжением императора П. зачислен на службу в Коллегию иностр. дел, получив разрешение работать в архивах для написания историч. труда о Петре I.

«Истории Петра» (1831–1836; не окончена) П. придавал особое значение: в ней должны были отразиться его представления о фундам. основаниях историч. и нравственного бытия Рос. империи.

С февр. 1833 П. начал работу над историей восстания Е. И. Пугачёва; в авг. – сент. 1833 совершил поездку по «пугачёвским» местам – Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск; 1(13).10.1833 приехал в Болдино.

Вторая «болдинская осень» [продлившаяся до 9(21).11.1833] увенчалась поэмами «Медный всадник. Петербургская повесть» (опубл. в 1837, посм.), «Анджело», повестью в прозе «Пиковая дама» (обе опубл. в 1834), «Историей Пугачёвского бунта» (ч. 1–2, опубл. в 1834; первоначальное назв. «История Пугачёва» изменено по воле Николая I), поэтич. сказками – «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (опубл. в 1834), «Сказка о рыбаке и рыбке» (опубл. в 1835), стихотв. «Осень» (опубл. в 1841).

В произведениях П. 1830-х гг. европ. культура, её вечные образы и темы обобщались и связывались с рус. культурой и обществ. жизнью, народность как выражение рус. духовного склада сочеталась с принципами аристократизма, а трагич. «пугачёвский» эпизод истории России обнаруживал хрупкость её гос. устройства и жестокость нар. нравов, сдерживаемых силой верховной власти (часто нравственно ущербной) и самоотверженностью людей чести.

Многолетние размышления о Петре I и С.-Петербурге, о власти и личности нашли отражение в поэме «Медный всадник», герой которой, потерявший всё и проклинаящий Петра и его город, воплотил в себе отчаяние человека в момент крушения его надежд.

Согласиться с героем, повторив вслед за ним его проклятие, невозможно: это означало бы отказать петровской империи и С.-Петербургу в праве на существование и историч. значение. Но и не сочувствовать герою нельзя: личная тра-

гедия «бедного Евгения» оказывается более значимой, чем его неправота, и самый бунт его предстаёт как выражение его трагедии.

Однако именно в 1830-е гг., когда П. создаёт свои гл. произведения, у него становится всё меньше читателей: вкусы читающей публики изменились.

Поэма «Полтава», в которой П. предпринял не только опыт полемики с декабристской традицией осмысления личности Петра I и его эпохи, но и попытку синтезировать поэтику романт. поэмы с высоким стилем оды и эпопеи, успеха не имела; последние главы «Евгения Онегина» раскупались с трудом, известность «Повестей Белкина» ограничилась иронич. комментариями журналистов, «Борис Годунов» был принят лит. критикой холодно или враждебно, тираж «Истории Пугачёвского бунта» не раскупался.

Впервые о собств. близкой смерти П. начал говорить после того, как в 1831 умер его ближайший друг А. А. Дельвиг; постепенно эта тема занимает всё большее место в творчестве поэта.

Так, в «Осени» образ корабля и знаменитый вопрос «Куда ж нам плыть?» двусмысленны, указывая как на попытку выбрать лит. сюжет, так и на осознание необходимости выбирать между жизнью и смертью: в европ. эмблематической традиции корабль, входящий в гавань, символизировал смерть и жизнь вечную.

Мотивами грусти и одиночества проникнуты стихотворе-

ния «Пора, мой друг, пора!» (1834, опубл. в 1886), «Странник» (1835, опубл. в 1841), «Полководец» (1835, опубл. в 1836), «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836, опубл. в 1857); предчувствием близкой смерти отмечено стих. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836, опубл. в 1841).

В 1836 П. стал издавать ж. «Современник», задуманный как продолжение «Литературной газеты», однако журнал успеха не имел; его тираж неуклонно снижался. В том же году был опубликован роман «Капитанская дочка», ставший своеобразным манифестом «либерального консерватизма»: либеральная идея личности приписывается носителю идеи гос. служения, консерватору и монархисту, который погибнет, но не присягнёт «злодею».

Сложная система эпиграфов (частью придуманных П.) актуализирует лит. традицию 18 в., обрамляя романтич. сюжет в духе В. Скотта, и представляет собой систему мотивировок поведения героя с его приверженностью традиц. морали. Гринёв – идеальный герой рус. лит.-ры 18 в., включённый в сюжет романтич. историч. романа.

Понятиям долга, чести, верности, милосердия и любви, связанным с образом Гринёва, противопоставлены «ценности» романтизма, соотносимые с образом отрицат. героя – Швабрина, который оказывается наделённым всеми характерными атрибутами мышления и поведения романтич. героя: он ироничен, эгоистичен и одинок, обладает чувством

превосходства над окружающими, презирает мораль; страстная и безответная любовь подталкивает его к преступлению и оборачивается жизненной катастрофой.»/

Тут я снова прерываю цитирование биографии, чтобы отметить, что далее в жизни А. Пушкина появляется «роковая женщина» которая резко меняет и жизнь, и в целом всю его дальнейшую судьбу!

И наш биограф тоже в принципе согласен с моим утверждение о том, что Н. Гончарова для А. Пушкина оказалась той самой «роковой жениной» через которую в конечном итоге он и погиб так сказать в расцвете сил и своего лит. творчества. и по этому пишет так:

«Поэт венчался с Н. Н. Гончаровой 18.2(2.3).1831 в Москве.

«Семейная жизнь, однако осложнялась бедностью, долгами, неустроенностью быта; светские и придворные успехи жены П. сопровождалась злословием и клеветой. Сложная интрига, до сих пор до конца не разгаданная, закончилась 27.1(8.2).1837 на Чёрной речке дуэлью П. с французом на рус. службе кавалергардом Ж. Дантесом, приёмным сыном голл. посланника Л. Б. Геккерна, на которой П. был смертельно ранен.

Погребение П. состоялось 6(18).2.1837 в родовой усыпальнице Ганнибалов-Пушкиных в Свято-Успен-

ском Святогорском монастыре.»

И тут я хочу вновь сделать свою новую ремарку и сказать, что во всем выше выделенном фрагменте биографии А. Пушкина есть много тайных обстоятельств на которые ни его современники и в наше время мы не получили точных разъяснений!

К примеру, могу перечислить такие:

Была ли Н. Гончарова любовницей Николая Первого?

Не явился ли Николай Второй отцом одного или нескольких официально признанных детей А. Пушкина?

А если не являлся, то почему так материально заботился о самой Н. Гончаровой и всех ее детях, обеспечив им своим покровительством и успешную карьеру в будущем и высокое положение в обществе?

И даже организовав новый брак Н. Гончаровой с генерал-майором П. Ланским (с 10 октября 1843 г.), числившийся в Кавалергардском полку и состоявший в свите Его Величества императора Николая Первого! Николай I хотел быть на ней посаженным отцом, но Натали попросила не делать этого чтобы вновь не возбуждать, казалось бы, притихшие к тому времени «светские сплетни...»

Почему возник конфликт с Дантесом, приведший А. Пушкина к дуэли?

Хотя если бы пушкинисты вникли в документы, то они бы с удивлением увидели, что А. Пушкин дрался на дуэли не с Дантесом, а человеком по российскому паспорту, носившему совершенно другую фамилию!

Кому было выгодно начать этот конфликт?

Кто первым вызвал кого на дуэль?

Почему ни российская жандармерия и Санкт-Петербургская полиция под неусыпным вниманием которых находился в последний год жизни А. Пушкин зная о предстоящей дуэли не приняла мер к ее предотвращению, ибо дуэли в Российской империи были запрещены и участие в них являлось уголовным преступлением!?

И почему выжившего дуэлянта (дуэли в Российской империи в 1831 г. были запрещены), да и вообще всех участников этой дуэли в первую очередь «секундантов» тоже как лиц, совершивших уголовно наказуемое преступление, не осудили по всей строгости закона?

Почему врачи не сделали операцию А.С. Пушкину фактически оставив его умирать дома вместо того чтобы поместить скажем в военный госпиталь где врачи хирурги могли бы принять неотложные меры к его спасению?

Зачем Николаю Первому понадобилось опечатывать кабинет А. Пушкина и изымать с помощью Жуковского все бумаги (архив) А. Пушкина который потом кстати исчез в недрах российских архивов навсе-

гда, если и не был просто уничтожен вскоре после его разбора по при казу Николая Первого?

Теперь все страшно запутано и с похоронами Пушкина. Тело Пушкина с Санкт-Петербурга доставил в Святогорский монастырь только один человек- действительный тайный советник А. Тургенев хотя он и не числился в друзьях или ли был пусть и дальним, но родственником Пушкина?

Современники поэта так подробно описывают грустные дни погребения Пушкина.

«Отпевание происходило 1 февраля. Весьма многие из наших знакомых людей и все иностранные министры были в церкви. Мы на руках отнесли гроб в подвал, где надлежало ему остаться до вывоза из города, 3 февраля в 10 часов вечера собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас оставалось от Пушкина; отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани; сани тронулись; при свете месяца несколько времени я следовал за ними; скоро они повертели за угол дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих» – вспоминал друг поэта Василий Жуковский.

Так же не ясно почему на похороны не прибыла жена – Н. Пушкина (явившаяся туда только через два года!) и его родители или, хотя бы брат или сестра, с которой у него всегда были хорошие отношения?

К личности А. Тургенева мы еще вернемся далее, а тут я чтобы заинтриговать читателя скажу кратко и ссылаясь на

пушкиниста, Вадима Старка, который описывал это так:

«И тот человек, который первым встречал Пушкина в Петербурге, Александр Иванович Тургенев, который помогал с определением в Лицей, [...] он же будет провожать траурный кортеж с телом Пушкина по просьбе Натальи Николаевны, а, точнее, даже по указанию Николая Первого, потому что она хотела, чтобы Данзас это сделал, но Николай Первый считал, что тот виновен, должен понести своё наказание и предложил, чтобы [кортеж провожал] Александр Иванович Тургенев. **Вот так сомкнулось кольцо: тот, кто первым встречал Пушкина в Петербурге, провожает его в этот самый последний путь».**

И наконец неизвестно до сих пор когда и почему исчезло тело А. Пушкина из его могилы?

И чему теперь в Святогорском монастыре полоняются все «пушкинисты» и прочие любители и почитатели А.С. Пушкина как «гения российской литературы»?

На эти и другие вопросы которые будут возникать у нас по ходу изложения материала ваш автор так же постарается дать ответы в последующих частях этой книги.

А пока я закончу цитирование официальной современной российской биографии А. Пушкин где он – «НАШЕ ВСЕ»! ИДОЛ и ОСНОВАТЕЛЬ! или даже «СВЯЩЕННАЯ КОРОВА» российской литературы!

И что как бы в подтверждения моего тезиса делает и ци-

тируемый мною биограф А. Пушкина!

Он уже начал лить на Пушкина «священный литературный элей»:

«П. – основоположник новой рус. литры: обобщив наследие отеч. лит-ры 18 в. и осуществив сложный синтез выразит. возможностей книжных стилей и разговорной речи, он заложил основы совр. рус. литературного языка

П. канонизировал форму рус. романт. элегии и романт. поэмы, создал ряд эксперим. форм (роман в стихах; драмат. сцены; историч. роман, граничащий с документальной прозой; и др.), добившись подлинной оригинальности слога, идей, композиции.

Созданная П. сложная худож. система воспринимается как открытая самым разным культурным контекстам, как русским, так и европейским; как вобравшая в себя существенные элементы поэтики классицизма, сентиментализма, романтизма и предвосхитившая ряд открытий реализма.

Творчество П. – осн. подтекст рус. литры 19–20 вв., всё пространство которой пронизывают явные и скрытые цитаты из его произведений: рус. поэты всех направлений и школ постоянно обращались к П. даже в условиях полемики с ним. Вскоре после смерти П. в рус. культуре утвердилось представление, согласно которому творческое наследие и личность П. – прообраз будущего рус. человека и общества (Н. В. Го-

голь) и осн. вневременное идеальное содержание рус. жизни (А. А. Григорьев). Во 2-й пол. 19 в. «пушкинское направление», к которому причислялись писатели, не стремившиеся к созданию единой лит. программы, а по отд. аспектам существенно расходившиеся с П. (Е. А. Боратынский, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырѐв и др.), часто противопоставлялось «гоголевскому» как преим. эстетическое и идеальное – сатирическому и злободневному.

В 20 в. такая постановка вопроса во многом утратила свою актуальность: пришло осознание того, что формотворчество и «поэзия действительности» в творчестве П. не исключали, а дополняли друг друга.

Среди писателей, испытавших наибольшее влияние П., – Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьѐв, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, А. Т. Твардовский.

Рукописи П. хранятся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН (С.-Петербург). В местах, связанных с пребыванием П., открыты мемориальные музеи: Музей-лицей и Музей-дача в г. Пушкин (быв. Царское Село), Музей-квартира на набережной р. Мойка в С.-Петербурге – филиалы Всероссийского музея А. С. Пушкина; Музей-квартира на Арбате – филиал Гос. музея А. С. Пушкина (Москва); Пушкинский заповедник; Музей-заповедник «Болдино» (Нижегородская

обл.), Дом-музей в Кишинёве и др.»

Под конец этой «биографии» я хотел было очень яркую и символическую картину «Поэты России у гроба Пушкина. Художник Л.Н. Нецветаев (2017 год)» Но правила публикации это запрещают поэтому я подаю только ссылку на источник фото: <https://lenarudenko.livejournal.com/337135.html> и только в первую очередь, чтобы показать читателю всех тех, кто в России в наше время пел и продолжает петь диафрагмы А.С. Пушкин

Я же от себя сразу скажу, что увы не разделяю выше процитированные оценки А. Пушкина ни как «СВЯЩЕННОГО ИДОЛА» ни как. «ОТЦА ОСНОВАТЕЛЯ русского языка» и безмерного «СВЕТОЧА русской поэзии»!

Ибо считаю его обычным человеком своего времени, который имея определённый литературный талант? При этом, увы, не обладая практическим умом, не смог им надлежащим образом распорядится, как это в то же время успешно реализовал его литературный антагонист Фадей Булгарин!

И тут я еще раз повторяюсь, когда вопреки мнениям всех «кормящихся» на славе А. Пушкина-«пушкинистов» и «пушкиноведов» скажу, что действительности он прожил обычную, хотя и крайне неудачную жизнь – типичного не знатного и не родовитого русского дворянина!

Который вдобавок ко всему своему и так невзрачному «житию», еще дополнительно запутался в десятках острых

проблем, которых он сам себе ранее и создал «собственными руками» и тем приблизил свою «преждевременную смерть».

Прав ли я как автор этой книги или нет, вы уважаемый читатель убедитесь сами, когда прочтете эту книгу до ее логического окончания. После чего уже и можете высказывать все свои критические замечания...

ч.2 ПЕРВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ А. С. ПУШКИНА

Теперь, когда вы уважаемый читатель, ознакомившись в первой части этой книги с одной из последних в современной России официальных литературных биографий А.С. Пушкина, я хочу вам передоложить «первую литературную его биографию», написанную примерно через 50 лет от даты его смерти. Данная биография составлена российским литературоведом П. Полевым и размещена в его ныне малодоступной (в виду своей букинистической редкости) книге **«История русской литературы. (в очерках и биографиях)»**. Поэтому далее приведу текст этой биографии полностью.

Но вначале я хотел бы сказать несколько слов о авторе этой биографии и его положении в дореволюционной российской литературной среде.

Пётр Николаевич Полевой (25 февраля [9 марта] 1839, Санкт-Петербург, Российская империя – 31 января [13 февраля] 1902) – русский литературовед и переводчик, автор исторических романов. Сын Н. А. Полевого

Окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1857); затем – историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

После защиты магистерской диссертации «Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской» (СПб., 1864) был приват-доцентом Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, затем доцентом русского языка и литературы в Новороссийском университете, наконец профессором Варшавского университета по кафедре языков русского и церковно-славянского.

Подготовленная им докторская диссертация «Исторические очерки средневековой драмы» (СПб., 1865) осталась незащищённой.

В 1871 году вышел в отставку, чтобы целиком отдаться литературной деятельности.

По собственному признанию Полевого, был «самопишущей машиной, которую кто-нибудь заведет, а она пишет что угодно: драму, повесть, историю, критику».

Составленные Полевым истории русской и всемирной литературы носят компилятивный характер.

От биографического метода эволюционировал к культурно-исторической школе.

Под редакцией П. Н. Полевого в петербургском издательстве Маркса вышел в 1893 году перевод знаменитого сборника братьев Гримм «Детские и семейные сказки».

В 1895 г. переиздан под названием «Сказки, собранные братьями Гриммами».

Также Полевой первым перевёл на русский язык класси-

ческий роман «Годы учения Вильгельма Мейстера»

Могила Полевого находится на Литературных мостках Волковского кладбища.

Источник фото:[https://ru.wikipedia.org/wiki/Полевой,_
_Пётр_Николаевич#/media/Файл:Peter_Polevoy.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Полевой,__Пётр_Николаевич#/media/Файл:Peter_Polevoy.jpg)

Ну, а теперь зная всю нужную информации о авторе первой биографии А. Пушкина давайте уважаемый читатель вместе ее и прочем.

Ну, а читая ее, продолжайте удерживать в памяти последнюю версии его биографии, чтобы понять, как, как когда и почему «с годами» А.С. Пушкин превратился из в общем популярного на свое время поэта и писателя в «ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ российской литературы»!

Хотя ни через 50 лет после его смерти, да в принципе вплоть до 1917 г., он такой «величиной» в Российской империи никогда не считался причем как со стороны власть предержащих так еще и в большей степени в среде российских литераторов и поэтов!

«Александр Сергеевич Пушкин 26 мая 1799 г. (ум. 99 лав. 1887 г.)

День рождения поэта подтверждается его собственным свидетельством, к котором. он прибавляет, что „родился в воскресенье“, и даже подтверждал* этот факт тем, что „праздник Вознесения всегда имел большое влияние в его биографии.

Однако же в метрической книге московской Богоявленской церкви, что на Елохове, и 1799 г., находим следующую запись:

„Мая 27-го, во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Шварцова (Шварца), у жильца его дома Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр и крещен 8 июня. Восприемниками были граф Артемий Иванович Воронцов; кума- мать означенного Сергея Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина“.

Род Пушкиных был старинный и происходил по прямой линии от боярина Григория Григорьевича Пушкина, служившего при царе Алексее Михайловиче, а потом в Польше, с титулом наместника нижегородского (ум. 1650 г.).

Мать Александре Сергеевича, Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал, также принадлежала к замечательному роду: она была внучкой того Абрама Петровича Ганнибала, знаменитого крестника и любимца Петра, который, благодаря Пушкину, стал более известен под именем „**Арап Петра Великого**».

Отец поэта **Сергей Львович Пушкин** познакомился с **Надеждой Осиповной** в Петербурге, где он служил, в Измайловскому полку.

Женившись в Петербурге Сергей Львович, 1798 году, вышел в отставку и переехал на жительство Москву.

Вместе с семейством Сергея Львовича переехала в Москву в мать Надежды Осиповны, которая продала принадле-

жавшее ей в Псковской губ.

Имение и на выручения от этой продажи левым купила под Москвой сельцо Захарьино, в вёрстах 40 от Москвы.

Нельзя не упомянуть, что в Москву, вместе с семейством Пушкиных, переселилась и прославленная впоследствии по-этом няня его, **Арина Родионовна**, вынянчившая всех детей Сергея Львовича.

Отец поэта Сергей Львович Пушкин, представлял собой, вместе с братом своим Василием Львовичем (известным арзамастцем), образец того крайне непривлекательного типа русских французов, который мало-по-малу начинает у нас выводиться.

В настоящее время, а в то время было модным тоном в высших кругах нашего общества

И Сергей Львович, и Василий Львович были очень неглупые, обладавшие порядочным запасом остроумия и довольно нарядным образованием; но это были люди, исключительно созданные для веселой, шумной, пустой и праздной светской суеты, люди, не имевшие в жизни никаких серьезных интересов и целей, чуждые всяких забот, трудов и обязанностей.

Обладал порядочным состоянием и неистощимым запасом веселости, оба брата одинаково посвящали свое время удовольствиям общества и наслаждениям городской жизни и питали врожденное отвращение ко всему, что могло нарушить их спокойствие...

На этом основании Сергей Львович предоставил все управление делам, все хозяйство и воспитанием детей жене своей, а сам вполне предался утонченной и веселой светской жизни среди того обширного кружка родня и знакомых, в котором он являлся душою все собраний, домашних спектаклей и всякого рода семейных и родственных празднеств, которыми так богата была жизнь нашего барства того времени...

Можно без преувеличенья сказать, что все время Сергия Львовича проходило в обществе в эгоистических заботах об успокоении и увеселении своей особы, а весь ум и способности его затрачивались на остроуты, каламбуры и легкие французике стишки, которыми он приводил в восторг вес лучшее московское общество...

Надежда Осиповна, прекрасная собою, умная и энергичная женщина, любила удовольствия и развеселую жизнь не менее всего кружка, среди которого ей приходилось жить; однако же гораздо более Сергея Львовича прилагала заботы к воспитанию детей своих, и вместе с матерью своей, Марьей Алексеевной Ганнибал, способна была до некоторой степени оказать на них благотворное влияние.

Но они не могли избавить детей Сергея Львовича от системы воспитания, которая тогда была общепринятою во всех дворянских семействах! И Пушкин выучил грамоту у своей бабушки Марьи Алексеевне.

Потом пришлось заниматься русским языком у какого-то

г. Шиллера, а потом попасть в руки разных французов, которые на время заставляли его забыть о том, что он русский.

По счастью, до 7-ми летнего возраста. Александр Сергеевич не принадлежал к числу детей восприимчивых, горячих и бойких. Напротив, он даже приводил мать в отчаяние своею флегматическою неповоротливостью.

Случалось, что Надежда Осиповна насильно заставляла его играть и бегать с детьми, и мальчик убегал к бабушке Марьи Алексеевне прятался в её корзину и долго смотрел на ее работу: в этом убежище уже никто не смел его беспокоить...

От бабушки М. А. Ганнибал Пушкин слышал и первые рассказы о старине к семейные предана о предках поэта, любимцах Петра Великого: о его Арап (Абрам) и о Ржевском, в дом погораю часто бывал Петр в гостях.

Однако же французы-гувернёры ввали свое: мальчик по десятому году развернулся **хотя не выказывал ни малейшей охоты к ученью**, но за то набросился на чтение с какою-то болезненною страстностью.

Несмотря на то, что ни отец, ни окружавшие его немало не препятствовали ему в удовлетворении этой страсти к чтению, он проводил за книгами и дни и ночи, тайком забирался в библиотеку искал в кабинете отца своего, и без разбора читал все, что попадалось ему под руку...

Немалое влияние на развитие восприимчивого ребенка должна была оказать и та светская блестящая обстановка, к

которой П. О. Пушкина старалась обучать сына с детства, вывозя его на вечера и домашнее спектакли в гостиные Трубецких, Бутурлиных. Сушковых и других представителей современной московской знати.

Здесь и у себя дома А. Пушкин впервые увидел и представленных поэтов, к писателям своего времени: Карамзина, Дмитриева и Батюшкова, с которыми (Сергий Львович Пушкин находился в самых близких отношениях.

Быстро и весомо развиваясь под всеми этими впечатлениями десятилетний А. Пушкин уже «сочинял» целые пьесы для домашней сцены, писала подражания Горацию, Вольтера, составлял остроумные каламбуры и шарады.

Результатом! французского воспитания было то, что первыми стихами Пушкина были стихи на французском, в писании которых он упражнялся не только дома, но даже и после своего вступления в Лицей

В Лицей определен был А. Пушкин во настоящее уже известного нам А. И. Тургенева, который отклонил родителей Александр Сергеича от намерения послать сына в прославленный Петербургский иезуитский Коллегиум, на который тогда все смотрели с особенным уважением.

Лицей, учрежденный в Царском-Селе, был действительно образцовым по тому времени воспитательным заведением.

В высочайше утвержденном (19 августа 1811 г.) постановлении о Лицее говорилось, что целью учреждения его будет—образование юношество, „особенно предназначенного

к важным частям службы государственной».

Лучшие преподаватели и опытные педагоги призваны были на службу в Лицей, который помещен был в флигеле, смежном, с дворцом.

Двенадцатилетний Пушкин, 12 августа 1811 года, выдержал*вступительный экзамен в Лицей, в числе 33 воспитанников, на которых должно было первоначально состоять это заведение, и вступил на новый путь; на этом пути, при помощи благоприятных условиях, сопровождавших развитие юного поэта, вскоре открылась для него возможность выказать вполне тот дивный дар, которым он был так щедро наделен от природы

Эти благоприятные условия заключались преимущественно в том, что в основу лицейского воспитания положены были высокие нравственные начала и стремления.

Самое преподавание было основано в Лицее в чрезвычайно разумных началах, как это видно вплоть из тех же лицейских отчетов за 1812 год:

„Главным занятием в первое полугодие были иностранные языки; преподавание же наук: закона Божия, логики, нравственности, истории, географии и математики, ограничивалось только главными началами.

Во 2-м полугодия чтение образцов из лучших писателей не ограничивалось только грамматическими объяснениями, но „сопровождается было в которыми логическими и легки-

ми эстетическими замечаниями, дабы вкус воспитанников еще более руководствуем был к простому, естественному к изящному слову.

Немало способствовал развитию дарована Пушкина и тот кружок товарищей, среди которого установилась самая тесная дружеская связь, сохранившаяся потом на всю жизнь.

И этот товарищеский кружок, среди которого мы видим А. М. Горчакова (впоследствии канцлера), барона М. А. Корфа, А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина. Корсакова. Данзаса, Маслова, Матюшкина – и весь иного пользы юноши-поэту, с одной стороны, ослабив | французское влияние домашней среды, а с другой—открыв свободное и широкое поприще для развития его поэтического дарования.

В лицейском кружке пушкинского времени замечательною, характеристическою чертою являлась склонность в литературе.

Литература была в Лицее не только любимым занятием, но развлечением и даже игрой.

В тесном дружеском кружке лицеистов издавалось несколько рукописных журналов („Лицейский Мудрец“, «Для удовольствия и пользы», „Неопытное Перо» и т. п.), в которых все товарищи А. Пушкина и он сам принимали деятельное участие; а по вечерам затевалась нередко и довольно замысловатая игра: каждый из членов товарищеского кружка обязана была по очереди рассказать повесть или хоть только начать ее; следующий за рассказчиком продолжала

развивать сюжет пополняя его новыми подробностями, и очень часто случалось, что повесть заканчивалась только в устах третьего или четвёртого рассказчика...

И вот, среди этого товарищеского кружка Пушкина, которого сначала было прозвали в Лицее «французом», оставить писание французских стихов и принялся писать стихи по-русски.

Начал он с очень колкой эпитагмы, потом перешёл к подражанию легкой французской лирики, а наконец увлекся и подражанием лучшим русским поэтам: Державину, Жуковскому. и наконец—Батюшкову.

Первым написанным в числе лицейских его стихотворений было „Послание к сестре“; за ним следовали другие. помешавшиеся в рукописных журналах Лицея, и уже в июне 1814 г. явились первый стихотворения лицеиста Пушкина в печати: пять стихотворений его было напечатано в «**Вестнике Европы**», издававшемся тогда под редакцию В. В. Измайлова

Вскоре после того стали являться его стихотворения и в других журналах, и та известность, которою юноша-поэт пользовался уже между своими товарищами, быстро перелетела зал стены Лицея.

Карамзин и Жуковой одинаково угадали Пушкина еще на лицейской скамье и поощряли развитие его поэтического дарования: Жуковский даже отдавал, в суд юноши свои стихотворения, доверяя замечательно развитому в нем поэти-

ческому чутью, все же своему собственному вкусу, и обыкновенно считал, дурными, старался исправить тот стих, который Пушкин при своей пообыкновенной памяти, не мог сразу усвоить и запомнить

Но родные поэта не так скоро поддались обаянию его таланта и долго не решались верить тому, чтобы из Александра Сергеевича мог выйти человек замечательный, тем более, что, по наукам его успехи оказывались довольно слабыми и один из профессора аттестовал его даже так: „весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне неприлежен“.

лександр_Сергеевич#/media/

Файл:Свидетельство_об_окончании_А._С._Пушкины-м_лица.jpg

Свидетельство об окончании учебы в Лицее.

И тут я вынужден прервать цитирование биографии А. Пушкина чтобы сделать важную авторскую ремарку.

Объективный и документально подтверждённые данные, показывают нам, что А. Пушкин из 33 лицеистов выпущен только 21 по общему выпускному списку, составленному по уровню полученных знаний и успехах в учебе).

То есть как сам видит читатель А. Пушкин как «говорили в советской школе» не был даже «хорошистом», а не то что «отличником»!

Далее я в отдельной части приведу сравнительные биографии соучеников А. Пушкина по Царскосельскому лицейю и тогда вы уважаемый читатель сами увидите, какими познаниями обладал Пушкин после окончания Лицея и почему он так и не смог не то чтобы сделать нормальную служебную карьеру, а и вообще заявить о себе как о толковом и распорядительном чиновнике, посвятившем свои знания и умения на службу в интересах государства, как это сделали его соученики по Лицею. Которые успешно совмещали и государственную службу и продолжали одновременно развивать свои литературные способности! Рассказ о соучениках А. Пушкина и их судьбах находится в Приложении №1 к этой книге.

Ну, а далее цитируемый мною П. Полевой в своей книге пишет так:

«Только уже после того, как стихи молодого Пушкина не только обратили на него внимание Державина, Дмитриева и Карамзина, но и возбудили удивление Жуковского— родные наконец решились признать поэтическую деятельность Пушкина не простою потерей времени.

Даже дядя его Василий Львович (сам стихотворец, хотя и весьма плохой), прочитает, его посланию к Лицею, порадовался тому, что „Александровы стихи не пахнут, латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского-...

Чрезвычайно любопытно то, что сам Пушкин считал себя в это время учеником Жуковского, которому однако же менее всего подражал. так как ему гораздо более была близка, и по духу, и по форме, поэзия Батюшкова, далекая от туманной мечтательности, тесно связанная с действительностью и богат огранными образами...

Только уже гораздо позднее Пушкин изъявил тесное родство своих лицейских стихотворных опытов с поэзией Батюшкова и о некоторых своих стихотворениях говорил: „люблю их, они отзываются стихами Батюшкова-

Но ему не долго пришлось быть учеником Жуковского и Батюшкова; едва успел он переступить Лицея, как уже вступил на тот новый путь, по которому вслед за ним пошли многие, но до него никто не решался идти.

В июне 1817 г. Пушкин окончил курс в Лицее и вы-

шел из него 19-м учеником.

(Но тут П. Полевой делает ошибку!

Ведь свидетельство А. Пушкину было выдано не под 19 номером, а под 21 из общего числа 33 лицеистов. Что говорит нам о том, что А. Пушкин попал в последнюю десятку, где были сгруппированы «худшие» по успеваемости выпускники лица! -автор)

«Радужно принятый лучшим литературном кругу, ласкаемый Карамзиным, Жуковским, Гнедичем, Тургеневым, Олениным, Раевским, Пушкин сошелся в их домах с влиятельным П. А. Вяземским, Н. Глинкой и явился одним из самых «младших», но зато и самых «деятельных» членов «Арзамаса»:

Так в 1818 году, на собраниях «Арзамаса» и на вечерах у Жуковского, он уже читает первые части «Руслана и Людмилы», в которых Жуковский к Батюшков как сколько-нибудь беспристрастные судьи не могли не видеть нового и небывалого у нас в литературы...

Ново было то, что романтизм Пушкина, на сколько он сумел и показал его в «Руслане и Людмиле», не имел ничего общего с подражательным переводным романтизмом В. Жуковского: по справедливому замечанию Пушкина, „романтические порывы его фантазии обращались к русской народной жизни, и русская жизнь впервые проявляла здесь истинно-народные мотивы“.

Нельзя не добавить здесь. сверх того, что эти народные

мотивы явились у Пушкина не в узкой рамке поэмы, написанной по всем правилам теории, в форме широкого, свободного, поэтического рассказа, который способен был привести в ужас сторонников старой риторической школы все правильностью и непоследовательностью) своего течения. частыми отклонениями от главной нити рассказа, а, в особенности, сатирическими выходками против современности вообще и современной литературы в особенности.

Чрезвычайно любопытно, однако, что нашу старую литературную школу более всего неприятно поразила в поэмах Пушкина именно ее неразрывная связь с почвою народности к преданьям наших.

Первое столкновение с народною почвою в поэме Пушкина ужасно озадачило наших критиков: „**Обратите ваше внимание на новый ужасный предмет**>“... „**возникающий посреди океана Российской словесности**” — восклицал один из многих критиков.

„Наши поэты начинайте пародировать Киршу Данилова...

Просвещенным людям предлагать поэму, написанную в подражание Еруслану Лазаревичу. – Далее, выписывая и предоставляя в суд читателей сцену Руслана с богатырскою головою, критик просто приходит в ужас: «**увольте меня от подробного описания—говорить он с негодованием — «и позвольте спросить: если бы в Московское Благородное Собрание явился как ни будь все же (предпо-**

лагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал зычным голосом: здорово, ребята!

Неужели-бы стали таким проказником любоваться?

Зачем допускать чтобы плоски шутки старины снова появлялись между нами?

Но прежде, чем успели явиться первые критики на «Руслана и Людмилу» (а они явились в 1820 г.), в жизни автора его успело совершиться много перемен.

Поэма была начата им ещё в Лицее, потом, писалась и в Петербурге, и в Михайловском (небольшом имении Пушкиных, в Псковской губ.), где он проводил лето, по выходу из Лицея, и окончена была не ранее 1819 г. (а напечатана в 1820). когда Пушкина уже не было в Петербурге...

Дело в том, что, по выходу из Лицея, пылкий и восприимчивый юноша-поэте, вполне **предавшейся рассеянной я даже разгульной жизни, закружился в вихре света**»

Тут я вновь не на много прерву цитирование биографии Пушкина, чтобы так сказать «поправить» П. Полевого в том, что он хотел скрыть от своих современников о А. Пушкине. Да и в принципе то, что тогдашняя цензура бы ему и не позволила сделать даже если бы ему и были бы известны ниже приведённые обстоятельства и нелюбезные факты имевшее место в жизни А.С. Пушкина.!

Но для нас, когда мы со школьных лет видим в А. Пушки-

на «Главного ИДОЛА» российской литературы будет очень полезно взглянуть на это самого «ИДОЛА» иди как вскоре его, назовут в его же родной семье «ЧУДОВТЩЕМ» и «неблагодарным сыном» объективным взглядом.

Поможет нам в этом отрывок из статьи, опубликованной в газете «Коммерсант» под названием «**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА**» <https://www.kommersant.ru/doc/2285467> Автор этой книги А.Л. Александров https://ru.wikipedia.org/wiki/Александров,_Александр_Леонардович известный России сценарист и кинорежиссёр, который к тому же успешно дополняет свои труды и на литературном фронте.

Ибо кроме 13 фильмов написал и два библиографические книги. Причем написал из с большим знанием жизни героев своих повествований и поэтому я далее буду на А. Александрова уже ссылать как на своего рода стороннего эксперта, чье мнение по тому или иному вопросу я буду добавлять в нужных местах той или иной биографии А.С. Пушкина.

Это очень важно для вашего автора –соблюсти объективность в повествовании особенно когда ты начинаешь рассказ о том, как в общем начиналось моральное падение и моральное же разложение российского поэта А. Пушкина! Да и в прицепе почти всех его близких друзей, которых тоже «обожествляют» в современной российской литературе.

Итак, внимательно читаем: «В первый раз нескольких воспитанников из Лицея отпустили на рождественские вакации

в Санкт-Петербург в конце 1816 года. «Слышу опять звук колокольчика, который, вероятно, у нас еще кого-нибудь отнимет», – писал князь Горчаков тетушке за конторкой в своей кельюшке.

Уехали многие, а ему, к сожалению, не к кому было ехать. Он бросил перо и задумался. Он только что вернулся с прогулки, отведя дам до дому. Дорогой беседовали о Пушкине, мадам Смит расспрашивала о нем с нескрываемым интересом. Князь привычно любезничал, становясь почти ее конфидентом: мадам Смит отчего-то ему доверяла. Ее глаза вспыхивали живым огоньком и погасали. От Пушкина они перешли на французскую пьесу, которую сочиняла Мария, потом снова вернулись к Пушкину.

– Сознайтесь, вы стали сочинять, потому что он – поэт? Вас это задевает? – поинтересовался Горчаков.

– Да, задевает, – не стала спорить Мария и отвернулась, потому что голос ее дрогнул. – Но сочинять я стала раньше.

– Раньше чего? – довольно смело спросил он.

Князь знал, что Пушкин быстро охладел к мадам Смит, и потому жалел француженку.

И опять же ее глаза, даже его слепота не отделяла от их чувственного света, к тому же к жалости явно примешивалось и еще что-то, князь не назвал бы это любовью, но его к ней влекло.

– Всего, – капризно ответила она.

– Почему он совсем перестал заходить к нам? – спросила

она чуть ли не со слезами в голосе. – И не появляется на прогулках?

– Он пишет, Мария, что может быть важнее для поэта? А сейчас уехал к родителям в Петербург.

– В Петербург? А вы, что ж?

– Я все каникулы пробуду здесь...

– Вы меня не забудете? – спросила она, заглядывая Горчакову в глаза. Ее лицо было так близко, что близорукий князь, может быть, впервые рассмотрел ее и понял, что Мария в самом деле хороша собой.

Она была прекрасна в своей беременности, свежий на морозном воздухе цвет лица, живые, чуть грустные глаза.

Конечно же, он не мог ей сообщить того, что знал сам: господа лицейские уехали в Санкт-Петербург не только для встречи Рождества и Нового года в кругу родственников, но и еще для одного важного дела, зачинщиком которого был Пушкин.

Он снова принялся за письмо, дотошно перечисляя все последние слухи: и о том, что выпуск их будет летом, что публичный экзамен будет блестящ, ибо ждут в Царское Село австрийского императора, короля Прусского, и некоторых других князей из Германии, что государь уже отдал распоряжение, чтобы приготовили несколько домов в Царском, между прочим, и Александровский дворец, который будет занимать король Прусский...

Он остановился, чтобы перевести дух, а мысли его снова

вернулись к друзьям, отправившимся в Петербург. Как бы он хотел сейчас быть с ними!

После пяти лет заключения это был первый выезд лицейских в столицу. В Царском Селе они бывали в частных домах, в основном у своих преподавателей и у директора, изредка посещали балы, сами давали их, а вот так, чтобы оказаться одним в большом городе, полном соблазнов, это случилось впервые.

Первоначально лицейские направились каждый к своим родственникам, договорившись прежде об одном деликатном дельце, которое они вознамерились осуществить совместно, в ознаменование возвращения в жизнь.

Дело это в их возрасте было чуть ли не главным. Намечалось посещение одного из веселых домов, слухи о которых давно докатывались до лицейских через гусар, через офицеров других полков, с которыми были знакомы лицеисты.

В Петербурге, в Мещанской, располагались лучшие бордели, и там же, поблизости, селились образованные шлюхи, которые занимались проституцией без разрешения полиции и принимали мужчин, держа у себя нечто вроде салонов.

Таких трудно было уличить в их ремесле, а значит, и невозможно преследовать по закону. Среди же законных публичных домов славилось заведение, которое содержала некая Софья Астафьевна; его-то и предпочитала всем остальным молодежь из лучших домов, петербургские гвардейцы. Девки в нем были высокого сорта, знали и по-фран-

цузски, музицировали, пели, что, впрочем, волновало опытных мужчин, но не лицейских, большая часть из которых еще не знала женщин с этой стороны (дам они встречали только на прогулках, на редких балах и в гостиных своих преподавателей), поэтому прелюдия была для них не столь важна.

Впервые отпустили из Лицея только тех, у кого родственники жили в Петербурге, чтобы было кому за них отвечать.

Дельвига, по договоренности с Энгельгардтом, который к нему благоволил, отпустили погостить с Кюхельбекером к его матери.

Однако его поездка к другу была лишь звеном в плане, в который сам Кюхельбекер не был посвящен, ибо, когда ему намекнули на подобную возможность, Кюхля с гневом отверг предложение.

По мнению Кюхли, получать любовь за деньги было оскорбительно для поэта.

Однако двое других лицейских поэтов, Пушкин и Дельвиг, ничего оскорбительного в этом не находили, посмеиваясь над Кюхлей.

Дельвига умыкнули из дома Кюхли тайком. Уже в санях хохотали и подшучивали над бледным против обыкновения бароном, который, однако, пытался держаться по-лицейски дерзко и заносчиво.

Ваня Малиновский хохотал громче всех, но, когда всей компанией прибыли в Мещанскую, к Софье

Астафьевне, даже он притих, не говоря уж о других.

Кроме Пушкина, к девкам направились его ближайший друг Ваня Пушин, Костя Данзас, без которого, как и без кривого Броглио, не обходилась ни одна лицейская шалость.

Броглио, впрочем, остался в Царском Селе, а вот с ними, вообще уж неизвестно как, затесался тихоня Семен Есаков, который, видимо, до конца так и не понял, куда они едут.

Впрочем, у них был поводырь в эту преисподнюю – царскосельский гусар, поручик лейб-гвардии Гусарского полка Петр Каверин, с которым Пушкин последнее время все более и более сдруживался.

В основном на почве женского пола. Мужики, слава Богу, того не интересовали. Лихого гусара и попросили лицейские сопроводить их по кругам ада; одним, без поводыря, было все-таки боязно.

По его поведению можно было подумать, что Каверин простой рубака, бретер и кутила, но за его спиной был и Благородный пансион при Московском университете, и кратко-временно сам Московский университет, а потом Геттингенский, он прошел не одну кампанию, был с нашими войсками в Париже, дружил с Грибоедовым, еще со времен Московского университета, с князем Вяземским, любил стихи, переписывал их в особый альбом, но прославился не знанием немецкой логики и не любовью к стихам, а загулами и заплывами в винном море.

– Где нам, дуракам, чай пить, да еще со сливками! – любил

говаривать Каверин на любой случай в жизни.

Повторил он свою прибаутку и на просьбу лицейских и добавил своим характерным тенорком: – Мы люди простые, нам изыски не треба, любим старым способом. Туда-сюда, рачком и на спинке.

Чем вызвал одобрителный смех лицейских. Всем хотелось старого способа – ушли в Лету времена скотобратства, побратавшего их в Лицее.

Знаменитая Софья Астафьевна оказалась женщиной достаточно молодой, дородной, с черными усиками и несколькими родинками на пухлых щеках и открытой шее. Каверина она принимала, как родного, приветила и прибывшую с ним молодежь.

Само заведение Софьи Астафьевны, расположенное в трех этажах, с огромной залой во втором, обставленной приличной мебелью, совсем не было похоже на вертеп и тем более на преисподнюю.

В зале по стенам, в каждом простенке между окнами, висели большие зеркала в золоченых рамах, под ними стояли стулья и диванчики, на другой стене довольно плотно друг к другу висели картины французов и голландцев, на ломберных наборных столиках стояли вазы с фруктами, на подоконниках и по углам – цветы в горшках и кадках.

Присмотревшись, можно было понять, что французы и голландцы – всего лишь плохо намалеванные копии, но поскольку сюда приходили смотреть отнюдь не на картины, то

и такие сходили с рук.

Единственный лакей, седовласый крепкий старик, внес на подносе несколько бутылок шампанского и тихо удалился.

Пощелкивая веером, хозяйка салона сначала поведала молодым людям о некоторых правилах, которые они должны соблюдать в ее заведении: вино и еда подается за отдельную плату, девушек можно угощать только бокалом шампанского и не более, девушку можно брать в комнату только одну, а если берешь двух или более, то платить придется за каждую, но иметь дело только с одной, другие в таком случае поддерживают беседу, и главное, отметила Софья Астафьевна, девушек не развращать, ибо она отвечает за их нравственность, нарушение последнего правила влечет за собой отказ от дома.

Кроме того, отметила Софья Астафьевна, девочек младшего возраста, которые находятся здесь на воспитании, брать запрещается и нельзя развращать беседою, а ежели какая понравится, надо особо договариваться с воспитательницей, и за особую плату в будущем можно будет получить этих чистых девочек для утех.

При последних словах Софья Астафьевна сделала выразительные глаза и закрылась стыдливо веером.

– Дядюшка, дядюшка, я еще маленькая, – протянул Каверин тоненьким голоском и добавил бархатным сытым баритоном: – Ну расти, расти, покуда бант отстегну!

Сидевшие вокруг Каверина молодые люди поддержали гу-

сарскую шутку дружным хохотом.

А между тем по знаку Софьи Астафьевны в гостиной стали появляться девушки, одетые по последней парижской моде, их набралось, наверное, около двадцати, и все были так красивы, что у лицейских разбежались глаза.

Первым не выдержал Пушкин: он, едва девушки появились в зале, присмотрел себе расфранченную охтенку с золотистыми волосами, как потом выяснилось, недавно поступившую в заведение, двинулся с ней в польском, но желание было так велико, что он, несколько раз споткнувшись, не выдержал и потащил ее по лестнице наверх, где, как он предполагал, находились комнаты.

Девушка по-французски вовсе не понимала, и он счел весьма пикантным ее своеобразный окающий и цокающий говорок, доставшийся ей от архангелогородских предков, издавна поселившихся на Охте. На ней было шелковое малиновое платье с накинутым безвкусным пурпурным платком, синие шерстяные чулки и красные башмаки с высокими каблучками. В ушах и на груди у нее блистали неподдельные бриллианты, что в среде охтенок было совсем не редкостью. Она и в веселом доме сохранила свой праздничный наряд, не захотела его переменить.

Дельвиг же, напротив, сразу потерял всю свою лицейскую наглость, не танцевал, а забился в угол с трубкой. Пришлось его оттуда буквально выкуривать. За дело, после польского, когда уже и Малиновский с Пуциным удалились со своими

гетерами, взялся сам Каверин.

Он был на взводе, то есть в своем обыкновенном состоянии, подшофе, ведь завтракал он бутылкой рома с булкой и после обеда принимал, вместо кофей, бутылку коньяку.

Холодным шампанским со льда он лечил французскую болезнь, когда подхватывал ее, правда, потом ему все равно ж приходилось обращаться к лекарю, но он свято верил в чудодейственность шампанских вин. Подсев к барону, он спросил, отчего тот не выбирает себе девку.

Барон печально сообщил, что плохо видит и боится выбрать не ту, что хотел бы.

– Ты, Антоша, уже взрослый малый, пора тебе приобрести очки. Выпей рюмочку коньячку, – предложил он товарищу.

– Пожалуй, – согласился барон.

Они выпили, и Каверин продолжал:

– А скажи мне, Антоша: тебе чего надо-то, войти да выйти? Да желательно без стука, со стуком ты по неопытности не совладаешь!

– Со стуком, это целка, что ли? – спросил шепотом барон.

Каверин гомерически захохотал.

– Верно! Она самая! Крепко запертая дверь!

– Так откуда ж здесь целки? – удивился барон.

– Ну вот! Понимаешь! Кто тебе ее здесь даст? – согласился с ним Каверин. – Так что для твоего дела, милый, любая девка хороша! И чем прое...ей, тем лучше! Адрес ты, барон,

выбрал правильный. Хотя и целки у Софьи Астафьевны есть, душа моя, но дороги! Очень дороги! Зачем они тебе?

«— А я вот хотел спросить тебя, Петруша», — сказал Дельвиг, — нельзя ли здесь... ну, заразиться чем-нибудь?..

— Х..рык подхватить? При несчастье х..рык и на родной сестре подхватишь! — улыбнулся он и объяснил серьезно:

— А девки у Софьи Астафьевны проверенные.

Каверин вел фривольные разговоры и между делом подливал барону коньяку. Спустя некоторое время он встал и пошептался с хозяйкой.

Вновь явились скрипки, и оставшиеся девушки заиграли на них что-то томительно прекрасное. Они покачивали стройными станами, молодые груди колыхались под легкими одеждами. Когда они приблизились, барон не выдержал и заплакал под прекрасную песню скрипок. Грусть его была так возвышенна, что ничего не хотелось. Разве что писать стихи. Писать стихи и плакать.

Тут, видимо, Каверин и решил, что пора.

Он посадил одну из девок к барону на колени, забрав у нее скрипку.

Оказалось, что сам гусар совсем недурно играет. Склонившись над парой, он играл, пока девица целовала барона Дельвига в губы.

Потом она встала и потянула за собой чуть упирившегося барона.

— Подожди, — сказал барон. — Дай мне рому, Каверин!

– Рому! – закричал Каверин.

Седовласый лакей внес ром.

– Лей! – приказал Дельви́г.

Лакей налил рому в бокал. Дельви́г поджег ром свечой, вынув ее из подсвечника.

Потом стал пить горящий ром.

– Ай да, барон! – вскричал Каверин.

– Вот теперь пошли! – схватил Дельви́г за руку девку.

– Вперед! – хлопнул девку по заду лихой гусар и добавил, подмигнув барону:

– Дорога наезжена

– Одерните, барин, – попросила девка.

Каверин захохотал, но все же одернул ей юбку.

Девка увела смущенного Дельви́га за собой наверх, он шел прихрамывая, ибо в одном кармане тащил явно мешавший ему предмет.

– Антоша, не подведи! – крикнул ему вслед Каверин.

Софья Астафьевна из дальнего угла гостиной погрозила Каверину сложенным веером – излишне не шали!

Она видела его чересчур вольную выходку с воспитанницей, но молодой красивый и богатый Каверин, сын сенатора, не мог ей не нравиться и за все шутки она его только слегка журила. Гусар привычно отмахнулся от Софьи Астафьевны, подхватил свободную Лаису и отправился с ней в номер.

Дельви́г не двигался дальше порога номера, ноги ему словно отказали.

– Идем-идем, – потащила его улыбающаяся жрица Венеры.

– Как тебя звать-то? – поинтересовался барон, чтобы что-нибудь сказать.

– Мадемуазель Элиза!

– Бедная Лиза, – прошептал барон.

– Отчего же бедная? – услышала его Элиза.

– Кое-что уже накопила. Идите сюда, барин, – грубоватым голосом позвала она его за ширму.

«Странно, почему за ширму, когда кровать в другом углу, под пологом, завешенная шторой из шелка, вышитого золотой нитью», – подумал барон, рассматривая эту золотую нить, но решил подчиниться.

За ширмой оказался туалетный столик, на нем – тазик с кувшином воды.

Рядом – красная веревка, на которой висели юбки и другая одежда девушки.

– Раздевайтесь! – приказала Элиза, но барон остался недвижим. В голове крутились самые разные мысли, одна из которых выражалась в простом восклицании: «А где же поцелуй?!»

Не дождавшись барона, Элиза сама быстро скинула с себя юбку и кофточку, осталась нагишом и принялась раздевать барона.

Тот стоял истукан истуканом, смотрел на остренькие соски ее молодых персей и чувствовал, как все больше и больше

восстает, и напрягается его плоть. Элиза взяла в одну руку кувшин, а другой стала обмывать его...

– Ой! – сказал барон через мгновение.

Элиза рассмеялась, а смущенный барон, опустив голову, посмотрел на ее руки, продолжавшие обмывать его.

– Ты в первый раз? – участливо спросила она.

Барон кивнул.

– Ничего, пойдем отдохнешь.

На кровати лежало, отвернутое уголком, белого шелка одеяло с атласной зеленой подкладкой.

Под толстым и легким одеялом, набитым птичьим пухом, он сладко уснул. Сквозь сон он слышал внизу рояль и скрипки.

Ему представлялось, что играет мадемуазель Шредер, которую он безуспешно пытался второй год соблазнить.

В гостиной оставшиеся девицы, поджидая возможных гостей, пили кофей, одна из них играла на рояле, двое на скрипках.

Саша Пушкин гонял по номеру свою охтенку.

Он обнимал ее и шептал ей нескромные слова, а охтенка утыкалась лицом ему в плечо, и от нее пахло молоком, как и должно пахнуть от всех охтенков.

Этот запах пока не перебили ни пудра, ни духи. У нее был замечательный говорок, и он все дразнил ее:

– Скажи «ноченька»!

– Ноченька.

– Скажи «печка»!

– Пецька.

Пуцин слышал за стеной голос своего друга Пушкина, все было так привычно, как и в Лицее, только он отмахивал ритмично свою Елизавету, осязая и руками и похотливым взором ее белое тело, и, раскачиваясь, думал:

– Женюсь! Же-юсь! Женюсь!

Это – справедливо! Это – возвышенно! Наконец, честно!
Какая ж...! Сейчас умру!

Про Есакова все забыли.

Он провел целый вечер в обществе нескольких свободных воспитанниц, которые ему пели и играли на скрипках, до неприличия нализался шампанским и уснул прямо в гостиной на диване. Когда ночью все снова собрались внизу, за столом, отмечая историческое для некоторых событие, его даже не стали будить.

Пушкин прочитал стихи «К портрету Каверина».

Каверин был доволен, только попросил изменить неприличные строки.

– Какие ж? – рассмеялся Пушкин, будто не понимая.

– Вот эти: «В бордели он е..ка»

«Оно, конечно, правда», – сказал он не без удовольствия, – но мне хотелось бы читать твои стихи дамам.

– Что ж!... – Пушкин задумался на мгновение и прочитал измененные строки:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,

На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

Каверин захохотал, стал обнимать Пушкина и, снова от-
правляясь наверх, сообщил:

– Пойду ее, душку, домучаю!

– И затянул свою всегдашнюю унылую песню:

– Сижу в компании,

Ничего не вижу,

Только вижу деву рыжу,

И ту ненавижу!

Поднявшись на галерею, он пустился вприсядку, напевая:

– Только вижу деву рыжу,

И ту ненавижу!

**Уже на следующее утро Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру Ивану Саввичу Горголи донесли, что nepотpeбный дом посетили лицейские, что верхово-
водили среди них гусар Каверин и какой-то Пушкин, но он решил этому делу хода не давать, потому что мо-
лодые люди были отпущены на каникулы официально и находились под присмотром родителей.**

А насчет Пушкина он поинтересовался, какой это Пуш-
кин, уж не автор ли «Опасного соседа»?

Не он ли развращает молодежь?

Тогда, может быть, стоит сделать внушение...

– Нет, – отвечал ему агент, – это его родной племянник.

Лицейский Пушкин.

Он еще называл себя в подпитии Энкашепэ...

– Энкашепэ? Что сие значит?

– Не выяснил.

– Так выясни!

Еще один появился, этих Пушкиных как собак нерезанных, и все шутники, – проворчал Горголи.

– А я подумал, уж Василий Львович в Петербурге опять объявился!

Он любит непотребные дома.

Горголи не стал уточнять, что встречал дядюшку в сих домах довольно часто, пока место петербургского обер-полицмейстера, которое он занял в 1809 году, навсегда лишило его возможности посещать эти милые заведения.

А ведь когда-то он был повесой и модником, даже галстухи на щетине, которые он первым стал носить в Петербурге, до сих пор называли горголиями.

Впрочем, Софья Астафьевна, кроме того, что исправно доносила ему, о чем говорят господа в подпитии у девочек, еще и привозила к нему этих девочек тайком.

Не бесплатно, разумеется; Иван Саввич никогда не пользовался своим служебным положением, человек был благородный.

– Этот племянничек тоже хорош, – оторвал Ивана Саввича от мыслей агент.

– Василису, новенькую, теперь она Зинаида, с Охты кото-

рая, в одних чулках на люди вывел...

– В чулках? – переспросил Горголи.

– Да, в синих, – подтвердил агент улыбаясь.

– И что, хороша? – поинтересовался Горголи.

– Хороша-с.»

Вот так дорогой и уважаемый читатель обстояли дела и делишки у той «золотой» молодежи что вскоре окончил Лицей и разлетится по всей Российской империи, чтобы «сеять разумное, доброе и вечное».

Ну а наш биограф П. Полевой тоже признает, что :

«Многие не шутя опасались в это время дурного влияния подобной жизни на талан Пушкина; Батюшков, незадолго до отъезда в Италию, писал А. И. Тургеневу следующее:

„Сверчок что делаете?

Кончил свою поэму? Не худобы его запереть в Геттиген и кормить года три молочным соусом и логикю.

И в него ничего не будете путного, если он сам не захочет. Потомство не отличите его от двух однофамильцев если он забудете, что для поэта и человека должно быть потомство.

Кв. А. Н. Голицын московский промотал 20 тысяч душ в 6 месяцев.

Как ни, велик талант Сверчка, он его промотаете, если. Но да спасут его Музы я молитвы наши!'

Продолжение цитирование биографии А. Пушкина-автор

П. Полевой:

«И предчувствие не обмануло Батюшкова:

Музам пришлось спасать своего любимца от беды...

Увлекаясь шумными УДОВОЛЬСТВИЯМИ и пустотою СВЕТСКОЙ ЖИЗНИ, не привыкнув еще ник какой осторожности, не успел вовремя укорить порывы своей сатирической музыки 20 летний Пушкин вел себя на столько безрассудно, так открыто и резко позволял себе высказываться против всего, возбуждавшего его неудовольствие, что над головою его собралась грозовая туча...

Призванный к ответу петербургским губернатором графом Милорадовичем, Пушкин совершенно откровенно сознался перед ним в своих неосторожных выходках, а когда Милорадович потребовал от него рукописный экземпляр его „возмутительных«— стихов, то Пушкин предложил записать ему эти стихи, но памяти и составил по ним довольно толстую тетрадь, не утаив ничего

Такая благородная искренность тронула Милорадовича, и Пушкина приказано было «снарядить в дорогу, выдать ему прогоны и с соответствующим чином соблюдением возможной благовидности—отправил его на службу на Юг».

В числе многих ходатаев за юношу-Пушкина, просивших о смягчении его участи и Государя, и Императрицу Марию Фёдоровну, особенно выделяется ходатайство директора Ли-

дея Энгельгардта, к которому разгневанный Государь обратился г разносами о Пушкине.

«Воля Вашего Императорского Величества, – отвечал Энгельгардт Государю: «но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника. В нем развить необыкновенный талант г, который требует пощады.

Пушкин теперь уже—краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды...

Ссылка пометь губительно подействовал на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушие Ваше. Государь, лучше вразумил его!"

Источник фото:https://ru.wikipedia.org/wiki/Пушкин,_Александр_Сергеевич#/media/Файл:Pushkin_Alexander_by_Sokolov_P..jpg

Есть основание думать, что именно этот разговор способствовал смягчению наказания, наложенного на юношу-поэта... из Министерства Иностранных Дел на службу в Канцелярию Главного Попечителя колонистов Южного Края; выдан проезд, выданный Пушкину, вместе с прогонами из Коллегии Иностранных Дел – помечен 5-м* числом* мая 1820 года- 6-го мая, в самое Вознесенье, Дельвиг и Яковлев проводили лицейского товарища до Царского Села, и здесь простились с ним.

К вечеру – Пушкин уже был в пути в Екатеринославль.»

Тут я вновь должен прервать цитирование вышеназванной биографии, чтобы прямо сказать, что за красивыми словами о молодом и неразумном А. Пушкине и его друзьях увескрыто очень многое из того почему мы с вами уважаемый читатель оценивает того или иного человека с кем нам приходится встречается на жизненном пути.

Поэтому я вновь возвращаюсь к книге «Частная жизнь А. Пушкина»– А. Александрова, чтобы представить на ваш суд подлинные факты обвинений, что были положены в основу решения Императора Александра I о высылке Пушкина из столицы в глухую провинцию которой считалась тогдашняя Бессарабия.

Итак, отрываем книгу и благодаря гению А. Александрова как бы мысленно переносимся в Санкт-Петербург времен А. Пушкина и читаем:

Эпизод №1

«Он (император Александр Первый-автор) уже вспоминал эту историю совсем недавно, когда был на выпускном акте в Царскосельском Лицее.

Этот Пушкин, маленького роста, худощавый, подвижный, стоял у него перед глазами, почему-то выделившись среди остальных.

Александр собственноручно вручал воспитанникам медали и похвальные листы. Исправляющий должность министра князь Александр Николаевич Голицын представлял императору каждого из сих воспитанников.

Лучшие получали свидетельство из рук государя, следовавшую каждому отличившемуся медаль и к оному похвальному листу.

Среди награжденных Пушкина не было.

Когда объявляли, кто с какой медалью закончил курс, какой получил чин при выпуске, куда выпущен, в гражданскую или военную службу, он все ждал появления этого шалуна, взбаламутившего Царское Село, и дождался только в самом конце, когда свидетельства об окончании Лицея вручал уже директор Энгельгардт.

Пушкин ничего, кроме свидетельства, не получил и был выпущен в гражданскую, в Коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря.

Успехи в учении у него были неважные, потому-то и такой чин можно было расценивать как подарок судьбы; в честь первого выпуска Лицея решили ниже чинов не давать

Тем более подарком судьбы было зачисление Пушкина в Коллегию иностранных дел, куда зачисляли лучших из лучших: князя Горчакова со второй золотой медалью, Кюхельбекера с третьей серебряной, Ломоносова с четвертой серебряной, Корсакова, достойного серебряной медали.

Накануне император Александр сам просматривал и утверждал эти списки и, увидев в них фамилию Пушкина, задумался, хорошо ли в столь малые лета быть известным, и далеко не с лучшей стороны, и сам себе ответил: чаще всего

из таких что-нибудь да получается.

Пусть послужит отечеству на ниве дипломации

Через несколько дней после выпускного акта в Петербурге несколько человек лицейских, зачисленных в Коллегию иностранных дел, встретились в здании Коллегии на Английской набережной, чтобы быть представленными Карлу Васильевичу Нессельроде, который в должности статс-секретаря заведовал Коллегией.

Горчаков с Пушкиным подъехали к подъезду почти одновременно, дружески обнялись на пороге, с такой теплотой, как будто не виделись годы.

Следом, всклокоченный, помятый, будто не спавший, вылез из пролетки Кюхля и тут же собрался замучить их новыми стихами, но они отговорились недостатком времени. Ломоносов, Корсаков и другие находились уже в приемной.

Пока ждали аудиенции, к ним подошел молодой человек, их ровесник, представился.

– Актуариус Коллегии Никита Всеволодович Всеволожский, – сказал он с некоторой усмешкой в голосе.

Усмешка, как понял князь Горчаков, относилась к тому, что он был всего лишь актуариусом, то есть чиновником последнего, XIV класса. Однако фамилия богачей Всеволожских говорила сама за себя. – Вы ведь, если не ошибаюсь, господа лицейские?

Услышав подтверждение, Всеволожский добавил:

– Чин актуариуса существует только в нашей Коллегии.

Отвечаю за исправность переписки разных дел и хранения оных в целости и порядке, равно и за надлежащее ведение протоколов и регистратур.

«— В Англии это называется clerk», — сказал Горчаков и слегка поклонился. — Князь Горчаков.

— Очень рад.

— И много приходится работать? — поинтересовался Корсаков.

— В том-то наше отличие от Англии, что совсем не приходится, если, разумеется, нет желания. Я только состою в Коллегии.

— Он вдруг переменял тему, поворачиваясь к Пушкину:

— Ну, а кто же из вас Пушкин?

— Всегда был я, — улыбнулся Пушкин.

— Значит, угадал. Очень рад.

Наслышаны, читали, любим, — коротко объяснил Всеволожский.

— Друг Петруша Каверин много рассказывал.

Всегда ждем у себя. Живу в доме Паульсена напротив Большого театра, на Екатерининском канале. Как театр отстроится после пожара, буду ходить туда пешком, говорят, работ осталось на месяц-два.

А до Театрального училища два шага, — уже посмеиваясь откровенно, добавил он.

Тут их пригласили в кабинет Нессельроде, Всеволожский

пожелал им ни пуха, ни пера.

(Как выглядел К.Нессельроде вы уважаемый читатель сможете увидеть вот по этой ссылке) https://ru.wikipedia.org/wiki/Нессельроде,_Карл_Васильевич#/media/Файл:Karl_Nesselrode.png

«Их начальник оказался тщедушным, маленьким человечком с большим горбатым носом.

За глаза его звали «карлой».

Он был чрезвычайно напыщен и невнимателен к своим новым подчиненным.

Когда ему представляли бывших лицейских, он едва смотрел на них.

Лишь один раз Горчаков увидел, как он прищуривается, и понял, что Нессельроде близорук, а значит, толком их и не видит.

Сказал он всего несколько незначительных слов по-французски, ни к кому не обращаясь, и на этом представление было закончено.

Человек он, по мнению Горчакова, который интересовался своим будущим начальником, был самый ничтожный, пять раз за свою жизнь менявший подданство, не говоривший толком по-русски, чуждый всему русскому и попавший на место руководителя международной политики лишь потому, что Александр I считал, что министр иностранных дел ему вовсе не нужен.

Правда, в это время Нессельроде делил власть в Коллегии

с греком Каподистрия, человеком умным и просвещенным, протекцией которого пользовался Горчаков, но чиновников представляли все-таки в первую очередь ему.

Позже священник сенатской церкви отец Никита привел их к присяге: поклялись на Евангелии, целовали Святой Крест, подписались под присяжным листом.

Потом им дали прочитать указы Екатерины II и Петра I и подписаться под ними. Горчакова удивило, как много листов было подшито к указу.

Если полистать, верно, можно было найти подпись и самого Нессельроде, подумал Горчаков. Ибо положено было ознакомлять с указами каждого, кто начинал свое поприще на ниве дипломатии.

Еще со времен канцлера графа Николая Петровича Румянцева, который ушел в отставку в 12-м году, принято было набирать в Коллегию юношей приятных, красивых, умеющих нравиться, что было немаловажно в дипломатии, и безусловно хороших фамилий.

Утонченный разврат преобладал в Коллегии, протекции часто имели определенный привкус. Говорили, что, когда в начале 20-х годов высылали из Петербурга за скандальные похождения сына историка Бантыша-Каменского, Владимира, он назвал на допросе в числе людей с его вкусом и графа Румянцева, который доживал, полуразбитый и оглохший, свои последние годы в отставке.

Князь Горчаков еще с лицейских времен сторонился всего

этого; в Лицее с однополой любовью обстояло не хуже и не лучше, чем, например, в Пажеском корпусе, или в Конном, или в Преображенском полку.

Князь в связи с этим любил вспоминать забавный анекдот.

До императора Николая I дошли слухи о широком распространении среди кадет педерастии, и он поручил военному министру светлейшему князю Александру Ивановичу Чернышеву разобраться с этим.

Тот призвал к себе Ростовцева, тогдашнего начальника военно-учебных заведений, знаменитого своим доносом на декабристов Николаю, впоследствии бывшего одним из главных деятелей крестьянской реформы.

– Яков Иванович, такое поведение не токмо развращает нравы, но и вредно действует на здоровье мальчиков

– Помилуйте, ваша светлость, – искренне удивился Ростовцев.

– Скажу вам откровенно, что когда я был в пажах, то у нас этим многие занимались; я был в паре с Траскиным; не знаю, как насчет развращения нравов, но удовольствия было много, и на наше здоровье это никак не подействовало....

Светлейший князь расхохотался, видимо, вспомнив, что и сам был воспитанником Пажеского корпуса.

«Ну и кто же из вас был бугром, а кто бардашом?» – видимо, должен был спросить Чернышев: так домысливал этот анекдотец князь Горчаков.

«По очереди, – ответил бы насмешливый Ростовцев. – У

нас были и дежурства, кому стоять раком».

Собственно, разделять охотников до своего пола на бугров и бардашей стали позднее, подразумевая, кто сверху, кто снизу, а раньше всех их звали bougre, что означало по-французски и просто «парень», и «плут», и на жаргоне «педераст».

Помнится, князь просил Пушкина, когда он читал ему «Бориса Годунова» в Лямонове, убрать всех этих педерастов и задницы из сцены в корчме, и вообще весь французский и русский мат, а Пушкин хохотал обворожительно и обещал подумать, но, видно было, что ему жаль расставаться с матерщиной.

«Знаешь, – повторил тогда Пушкин свою излюбленную мысль, – когда в России отменят цензуру, то первым делом напечатают всего Баркова, а после Баркова издадут и меня без точек» ...

Вот эта слишком хорошая осведомленность об отношениях в мужских заведениях и помешала самому князю Горчакову после смерти жены отдать в одно из них своих двоих сыновей, несмотря на советы не очень сведущих в этом друзей.

Ну да черт с ней, с этой темой, с чего это он стал думать об этом?

Это Никита Всеволожский навел его на эту мысль, было в нем и в его старшем брате, Александре, что-то развратное, утонченное, содомское.

Да и поговаривали разное про их общество «Зеленая лампа». Говорят, что и там драли друг друга в жопу либералисты.

Но об этом, пожалуй, не стоит распространяться с Иваном Петровичем

... Этак и о Пушкине начнет расспрашивать... Но если положить руку на сердце, так ли чист был сам князь, как хотелось ему думать теперь, много лет спустя. Что он мог бы сказать о Нике Корсакове, так рано умершем «под миртами Италии прекрасной», о своей платонической любви к этому юному отроку, божественному юноше, стихотворцу, музыканту, бедному трубадуру, чья смерть отозвалась в его сердце незаживающей раной.

Были ли тогда, в лицейские времена, греховные мысли? Уж во всяком случае ревность к Косте Гурьеву, который следовал за Ником по пятам, была, и спустя годы замирало сердце, когда он допускал мысль, что между ними не обошлось без греха. Князь до сих пор помнил тот густой кипарис, под которым он отыскивал спустя несколько лет могилу Корсакова, у церковной ограды во Флоренции; он тогда сам, на собственные средства, заказал мраморный памятник другу юности.

Рассказать ли об этом Хитрово? Пожалуй, можно... Одна поэзия... Если исключить из рассказа Гурьева...

Эпизод №2 – Как была написана ода «Вольность»

" – Ты бы мог употребить свой талант на гораздо более се-

рьзные вещи, посмотри, что нас окружает, в каком мире мы живем...

Вон, – показал он через Фонтанку, – Михайловский замок. Мрак. Злодейство. Цареубийство. Насилие над законом. Все, на чем держится Россия. Чем тебе не тема?! А ты все про улыбки сладострастных губ.

– А что? – согласился Пушкин. – Давайте перо и бумагу... Сейчас и напишу.

Братья переглянулись – шутит? Не шутил.

– Давайте, давайте! Пошли в кабинет!

Все направились в кабинет.

– Только я пишу лежа, а замок с дивана не виден! – Он бесцеремонно сдвинул книги и рукописи Александра Тургенева и лег животом на длинный стол.

– Ждите, – отпустил он братьев.

Те послушно вышли.

В это время явился Кривцов, стал что-то громко рассказывать, на него все зашикали: Пушкин пишет в кабинете. Про Михайловский замок! Про цареубийство!

Кривцов потер ладонями, предвкушая что-то уж очень резкое, противоправительственное. Такая тема, без этого не обойтись.

Через полчаса Пушкин вышел, весьма довольный собой. На вопрос, где стихи, похлопал себя по сюртуку.

– Был уговор, читай немедленно, – вскричал Николай.

– Читай! – поддержал его Кривцов.

– Не было уговора, был уговор написать, я должен еще перебелить!

– Ты лжешь, сударь! Был уговор, что ты напишешь тут же, а стало быть, и прочитаешь! – не сдержался Николай.

– Что?! Я лгу?! К барьеру, немедля! – взорвался Пушкин.

– Арзамасцы, побойтесь Бога!

Сверчок! Варвик! – воззвал Александр Иванович, называя их арзамасскими именами.

Насилу ему удалось развести их по углам, уговорить Пушкина прочитать хотя бы несколько строф. Тот согласился, но нехотя. Услышав первые строфы, Николай бросился Пушкину на грудь и, всегда сдержанный, чуть не разрыдался.

– Вот теперь я уверен, ты – великий поэт России! Тебе нет равного по чистоте слога, воображению и вкусу. Брось все, езжай домой, пиши, завтра ода будет ходить в списках.

Пушкин задумался:

– Ты так уверен, что мне этого хочется?

– Хочется, хочется, – уверил его Николай. – К тому же здесь ты не волен! – патетически воскликнул он.

– Вся Россия будет ее читать!

Пушкин пожал плечами, пожалуй, ему действительно хотелось, чтобы его читала вся Россия.

Эпизод №3

«Пушкин не был создан, как я уже вам говорил, ни для службы, ни для света, ни даже – думаю – для истинной дружбы.

У него было только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко.

В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств; он полагал даже какое-то хвастовство в высшем цинизме по этим предметам: злые насмешки, часто в самых отвратительных картинах, над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над всеми связями общественными и семейными, все это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели думал и чувствовал.

Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда без порядочно-го фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками, блядьми и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата...

Можете представить себе, что я однажды встретил на лестнице девку, шедшую прямо в родительский дом?!

В дом, где жили его незамужняя сестра, мать!

– А вы откуда-то, простите за нескромный вопрос, ваше сиятельство, эту девку знали? – не выдержал Иван Петрович Корф...

Эпизод №4 У Гадалки

«Но пьяное любопытство молодежи трудно было сдержать, и скоро они прибыли в Морскую к гадалке. Как только ввалились в две не очень прибранные комнаты немки, так

сразу же и попритихли.

Немка, высокая, с прямой спиной старуха, в черном шерстяном платье и в накинутой черной же шали, сидела за столом и, выпучив глаза, смотрела на входящих. Почти сразу она указала когтистым пальцем на Пушкина и сказала:

– Сначала буду гадать ему.

Он человек замечательный! А будет самым знаменитым в вашей стране. Сейчас болел, чудом избежал смерти. Я вижу, она стоит еще за его плечом.

Пушкин оглянулся, за его плечом стоял Мансуров.

– Черкес, – пошутил Пушкин, – я с тобой драться на дуэли не буду.

«– Сегодня вечером получишь деньги», – сказала немка Александру.

– Да откуда же?! – усмехнулся он.

– В карманах дыры. Папаша – скуп, к тому же и нищ.

– Получишь, – уверила его немка.

– Вскоре поедешь на юг. Будешь служить там, а потом сошлют тебя в деревню.

Большой начальник пожалуется на тебя другому большому начальнику.

Красавица жена у начальника.

Будешь любить ее, а друг предаст.

А в деревне будешь любить и мать, и дочь, и другую дочь...

Друзья рассмеялись.

– Александр, тебя ждут такие приятные вещи.

Ты получишь деньги.

У тебя будет целый гарем!

К тому же мамаша с дочкой – это так пикантно!

Но как же мы без тебя здесь? Не отпустим!

– Не вам решать.

– Кирхгоф подняла очи горе.

– Белые листочки полетели, полетели, не соберешь. Зачем писал?

Пушкин промолчал на ее вопрос.

– Ответишь! – покачала она головой и опустила лицо к картам.

– Женишься на красавице, а лучше бы не женился, – про-
бормотала она.

– Тогда бы прожил долго.

А так смерть примешь от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch).

Все, что она говорила, раскладывая карты, ему переводили, но последние слова он понял сам. И сердце захолонуло.

– Белая лошадь, белая голова, белый человек!

О чем она гадала остальным, он не упомянул, все думал о белом человеке и о красавице, на которой он женится.

Эпизод №5 Драка в трактире

«Когда вывалились от гадалки, то принялись обсуждать, чем же заняться сегодня дальше, и поскольку немка всех так

взбудоражила, хотя никто почти не поверил в ее предсказания, то решили поехать поразмяться и поколотить немцев в Красном Кабачке, где те любили посиживать за кружкой пива.

Для сего действия у Всеволожского всегда был наготове целый гардероб чистой, но ношенной и штопанной одежды, чтобы не выделяться среди немцев.

Вскоре уже линейка мчалась по петербургской дороге к Красному Кабачку, расположенному в нескольких милях от города.

Ввалились гурьбой, прошлись между столов, высматривая себе жертву. Взгляд остановился на одном господине, судя по одежде, ремесленнике, который тихо и мирно в одиночестве пил пиво. Барон Дельви́г стал похаживать вокруг него и рассматривать сквозь круглые очки, иногда протирая стекла.

– Что это у вас, муха-с?! – залез пальцем в кружку к немцу барон Дельви́г. Вскочивший господин оказался довольно большого роста.

Он выплеснул недопитую кружку Дельви́гу в лицо и что-то прокричал по-немецки. Немецкий язык барон Дельви́г мог переводить только с листа, разговорного вообще не понимал, а больше в их компании немецкого вообще никто не знал, актер Сосницкий, который переводил у гадалки, от компании отстал, так как был труслив, да к тому же служил в императорских театрах и за подобную шалость мог получить

серьезное наказание, а некоторые, вроде Саши Пушкина, испытывали к немецкому языку нечто вроде отвращения.

Непонимание друг друга и придавало особую остроту стычкам. Из-за других столов тоже повскакивали немцы и кинулись на помощь товарищу, которого с двух сторон колошматили Пушкин с бароном. Кривцов в недавнее время успел обучить братию некоторым приемам английского бокса. (Сам он, по причине увечья, в подобных побоищах не участвовал.)

Но, когда драка разгорелась, стало не до приемов бокса. Били всем чем попало, в ход пошли даже стулья.

Компания неожиданно для себя с русского, которым они бравировали, перешла на всем привычный французский, и их маскарад был мгновенно раскрыт соперниками.

Несколько человек схватили Дельвига и потащили в заднее помещение трактира, туда, где помещалась кухня, и друзьям пришлось употребить немалые усилия, чтобы отбить барона у немцев. У Дельвига от разбитых очков, которые он не успел снять, текла по лицу кровь.

От немцев уж был отряжен гонец за полицией, и молодежь поняла, что пора ретироваться, оставя поле боя противнику.

Тем не менее, несмотря на синяки и ушибы, возвращались домой весело.

Встряска для молодого организма была необходима, к тому же без всяких условностей, можно было по-простецки бить друг другу морду.

Пушкин рассматривал содранные фаланги пальцев на правой руке и иногда дул на болячки. . . .

Эпизод №6 Начало полицейского дознания о А. Пушкине

«Иван Саввич Горголи давно уже хорошо знал, кто такой молодой Пушкин, и теперь не спутал бы племянника с дядюшкой Василием Львовичем.

Помнил его с тех пор, как в первый раз услышал его имя. Кажется, тогда он шалил в веселом доме. Но веселый дом на то и есть веселый дом, чтобы в нем веселиться.

На шалости молодежи в этом возрасте в допустимом пределе принято смотреть сквозь пальцы.

Но этот пиит уже наделал много других неприличных дел в Петербурге, с тех пор как был выпущен из Лицея.

Чуть ли не каждый месяц с ним случались истории, о многих из которых докладывали петербургскому обер-полицмейстеру.

Вот и теперь Иван Саввич морщился, когда полицейский чиновник ему рассказывал, что новые стихи «Noel» чуть ли не в открытую распевают на улицах города и, по имеющимся сведениям, стихи эти принадлежат перу Пушкина.

– Но ведь только что мы делали ему внушение!

Дайте мне дело! – раздраженно сказал Иван Саввич, проглядывая список.

«Ура! В Россию скачет кочующий деспот. . . .» – читал он стихи про себя.

Принесли дело.

В отдельной папочке лежали два письма: копия письма самого Ивана Саввича и ответ советника Иностранной коллегии Петра Яковлевича Убри, непосредственного начальника по службе Александра Пушкина.

Справка; Иван Савич Горголи (1773—1862) – генерал-лейтенант русской императорской армии, действительный тайный советник, обер-полицеймейстер Санкт-Петербурга (1811—1821); сенатор.

Грек по происхождению. В источниках встречаются различные годы рождения: 1767[2], 1770, 1773 и 1776. В 1790 году окончил греческую гимназию; в 1793 году, с чином поручика – Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус.

Ввиду того, что в тот период шла очередная война с турками, был направлен в действующую армию в Московский гренадерский полк. Хорошо себя проявил во время осады Вильно, вследствие чего был назначен капитаном. По воспоминаниям современника, в то время Горголи был известен всей столице как заправский франт:

« В молодости своей, служа в гвардии, он был образцом рыцаря и франта. Никто не бился так на шпагах, никто так не играл в мячи, никто не одевался с таким вкусом, как он. Ему теперь за семьдесят лет, а в этих упражнениях он одолеет хоть кого. »

В 1796 году Ивана Горголи перевели в Павловский грена-

дерский полк, а в 1799 году отправили в составе десантного корпуса в Голландию. По возвращении из Нидерландов в 1800 году ему был пожалован чин майора с назначением на должность помощника Санкт-петербургского коменданта.

(Как выглядел И.Горголи можно увидеть прейдя вот по этой ссылке: Источник фото: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горголи,_Иван_Саввич#/media/Файл:Gorgoli_IS.jpg

Плац-майору Горголи, как одному из младших участников заговора против Павла I, было поручено осуществить задержание графа Кутайсова[4]. После свержения Павла он получил чин подполковника лейб-гвардии Семёновского полка. В 1803 году был повышен до полковника, при этом оставаясь помощником Санкт-петербургского коменданта. В октябре 1806 года был переведён в Гродненский гусарский полк.

Во время кампаний 1805 и 1806—1807 гг. Горголи был удостоен ордена Святого Владимира III степени и прусского Pour le Mérite, а 20 мая 1808 года получил ордена Святого Георгия IV степени

« **в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях против французских войск 29 мая под Гейльсбергом, где, ударив с 3 эскадронами на неприятельскую колонну конницы, частью уже переправившуюся через реку, врезался в оную, опрокинул её и освободил отрезанный было уже баталион 2-го егерского полка и потом по занятии нашими еге-**

рями реки, троекратно неприятельские покушения уничтожал, действуя с храбростью и усердием, 2 июня под Фридландом, командуя баталионом, также с особенным мужеством вел атаку на неприятеля и, подавая собою пример подчиненным, опрокинул онаго. »

Помимо орденов, ему была вручена золотая шпага с выгравированной на ней надписью: «За храбрость».

В 1809 году, уже по окончании войны, Иван Горголи стал флигель-адъютантом Александра I. В том же году, получив разрешение императора, он отправился добровольцем во французскую армию и в её составе после Ваграмского сражения получил орден Почётного легиона.

В 1811 году, по возвращении в Россию, он был назначен на должность столичного обер-полицмейстера, а 30 августа 1812 года ему был присвоен чин генерал-майора. Горголи упоминается в юношеском стихотворении Пушкина в строчке: «Закон постановлю на место вам Горголи». Критикуя царские порядки, Пушкин противопоставляет полицмейстера Горголи закону. «Одним из красивейших мужчин столицы и отважнейших генералов русской армии» называет его Дюма в романе «Учитель фехтования».

С 30 апреля 1816 года – генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения – член Совета и генерал-инспектор в Санкт-Петербурге.

В 1825 году Иван Саввич вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта.

Получил, с переименованием в тайные советники, назначение в Правительствующий сенат 6 декабря 1826 года.

В 1827—1829 гг. расследовал злоупотребления армейских интендантских чиновников, главным образом в Вологодской губернии и порту Кронштадта.

В 1828 году ревизовал присутственные места в Пензенской губернии.

В связи с распространением холеры в 1831 г. сенатор Горголи учредил холерные бараки в охваченной болезнью столице.

Сумел организовать финансовую поддержку ряда влиятельных жителей больным горожанам. Пёкся о строительстве церкви Воскресения Христова и Михаила Архангела в Малой Коломне.

С 16 апреля 1841 года – действительный тайный советник. Прекратил служебную деятельность в 1858 году.

Так что очень непростой у А.Пушкина бл оппонент!

Но продолжим наше повествование:

«Иван Саввич снова прочитал казенную переписку.

«Милостивый государь мой

Петр Яковлевич!

20-го числа сего месяца служащий в Иностранной коллегии переводчиком Пушкин, быв в Каменном театре в Большом Бенуаре, вовремя антракту пришел из оногo в креслы и, проходя между рядов кресел, остановился против сидевшего коллежского советника Перовошикова с женою, поче-

му г. Перовошиков просил его проходить далее, но Пушкин, приняв сие за обиду, наделал ему грубости и выбранил его неприличными словами.

О поступке его уведомляя Ваше Превосходительство, – с истинным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства

покорный слуга И

ван Горголи».

«Милостивый государь мой Иван Саввич!

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 23-го минувшего декабря под № 15001.

Я не оставил сделать строгое замечание служащему в Государственной Коллегии иностранных дел коллежскому секретарю Пушкину на счет неприличного поступка его с коллежским советником Перовошиковым с тем, чтобы он воздержался впредь от подобных поступков; в чем и дал он мне обещание.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть
Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Петр Убри».

«Дал обещание, – подумал про себя Горголи.

– Да первая ли это история и последняя ли? На днях рассказывали его *bon mot*. Как же там было?» – попытался он вспомнить остроуту Пушкина, да так и не вспомнил.

Зато вспомнил с раздражением, что в стихах есть и

его имя, и так несправедливо упомянутое.

...Закон постановлю на место вам Горголи,

И людям я права людей,

По царской милости моей,

Отдам из доброй воли».

От радости в постеле

Запрыгало дитя:

«Неужто в самом деле?

Неужто, не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;

Пора уснуть уж наконец.

Послушавши, как царь-отец

Рассказывает сказки».

«Это я-то беззаконен, – действительно обиделся на Пушкина Горголи, – по закону его давно пора на съезжую выпороть, а потом сослать.

Уж ежели я беззаконен, то только тем, что слишком мягок. Вот и сейчас ничего не сделаю и расследованию по стихам никакого хода не дам.

Да и со скандалом в Каменном театре никакого письма не писал бы, ежели б ко мне этот Перевошиков сам не обратился с жалобой.

Пусть бы сами разбирались, хоть стрелялись бы, какое мне до того дело?

А тут пришлось дать жалобе ход».

Горголи, разумеется, не знал, что молодой Пушкин посчи-

тал письмо полицмейстера за оскорбление и мгновенно нанес свой укол.

Пушкин любую обиду, даже самую малую, запомнил и рано или поздно отмщал.

Ничего не мог с собой поделывать, помнил зло, долго хранил это воспоминание, и в нужный момент оно выплывало из закров его памяти.

А тут и долгой памяти не понадобилось, тут же и уколол, благо фехтовал словом отменно. Хотя если б дошло до настоящего фехтования на шпагах, то тут бы Горголи дал фору поэту – Иван Саввич и прежде был одним из лучших фехтовальщиков Петербурга, однако и с годами не потерял форму.

Эпизод №8 Отношения с родителями

«– Что ты делаешь?

Что ты делаешь, безумец? – кричал Сергей Львович Пушкин сыну Александру.

– Дуэли едва ли не каждый день, ссоры, о которых все говорят, наконец, твои эпиграммы! Зачем задираешься к каждому встречному?

Зачем поссорился с Карамзиным?

Зачем накатыл на него эпиграмму, обидел старика, который так привечал всегда тебя?!

Ради красного словца?

Ты понимаешь, как тебе может быть нужен Николай Михайлович с его влиянием у государя, у государыни?

– Он понизил голос.

– А на государя стихи?

Ты сошел с ума! Никому не сознавайся!

Ни одной душе!

А на Аракчеева эпиграмма? – Сергей Львович схватился за голову, все более и более сам пугаясь того, что говорил.

– Змей узнает – не простит!

Тебя забреют в солдаты, пойдешь на Кавказ под пули чеченцев!

– **Лучше пуля чеченца, чем духота Петербурга.**

– Слова! Бахвальство! Поза! – заметался по комнате отец.

– Всё слова, пока по-настоящему не запахло жареным! Куда ни приду, кругом только и говорят о моем сыне, во всех гостиных, на вечерах, обедах, балах, и чаще всего, заметь, неодобрительно.

Александр усмехнулся и сказал спокойно:

– **Без шума, батюшка, еще никто не выходил из толпы.**

Пусть говорят, и говорят, как можно больше!

Принимают меня, однако, во всех домах охотно. О чем еще может мечтать поэт! Это ж слава...

– Полно, батюшка, о поэте ли говорят?

О шалуне, о безобразнике, бретере, пропойце!

– Какой я бретер!

Ни одной смертельной дуэли.

А последнее – вообще ложь!

Бахвалюсь я часто, но пью умеренно.

– В компании завятых пьяниц... – подхватил Сергей Львович.

– Василий Андреевич говорил со мной о твоём поведении. Он не одобряет твою дружбу с Царскосельским гусарами.

– Среди гусар, батюшка, много образованных, мне есть чему поучиться.

– Образованные!

Куда там! Василий Андреевич, пока жил при дворе, насмотрелся в Царском Селе и Павловске на их выходки.

Их не сдерживает ни в чем даже присутствие императорской фамилии.

Говорят, один из них голую жопу, поворотившись спиной к дворцу, показывал. Императрицы видели...

Александр рассмеялся беззаботно и подумал:

«Надо бы спросить у Пьера, кто это отчудил?»

– Смейся, смейся, как бы плакать не пришлось, – укоризненно покачал головой Сергей Львович. – Ты бы посмотрел на других своих старших друзей: я не говорю о Василии Андреевиче, тебе и мечтать о таком положении, как у него, не можно.

Возьми князя Вяземского, добился места, уехал в Варшаву, служит достойно, речь государя на сейме кто переводил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.